

ЗАПИСКИ
ВОСТОЧНАГО ОТДѢЛЕНІЯ
ИМПЕРАТОРСКАГО
РУССКАГО АРХЕОЛОГИЧЕСКАГО ОБЩЕСТВА.

ИЗДАВАЕМЫЯ ПОДЪ РЕДАКЦІЕЮ УПРАВЛЯЮЩАГО ОТДѢЛЕНІЕМЪ

Барона **В. Р. Розена.**

ТОМЪ ТРЕТІЙ.

1888.

(СЪ ПРИЛОЖЕНІЕМЪ ЧЕТЫРЕХЪ ТАБЛИЦЪ.)

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

ТИПОГРАФІЯ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ:

Вас. Остр., 9 лин., № 12.

1889.

„Мудрость Балавара“, грузинская версія „душеполезной исторіи о Варлаамѣ и Іоасафѣ“.

Рецензія барона Розена на «Notice sur le livre de Barlaam et Joasaph» Zotenberg'a появилась ¹⁾, когда я занимался посильной разработкой вопроса о древнихъ грузинскихъ повѣстяхъ и романахъ. При всѣхъ тщательныхъ розыскахъ не успѣвъ найти въ доступныхъ мнѣ грузинскихъ рукописныхъ коллекціяхъ Императорской Публичной Библіотеки и Азіягскаго Музея не только самихъ памятниковъ повѣствовательнаго характера, заходящихъ за XII вѣкъ, но даже какихъ либо указаній на нихъ, я чрезвычайно былъ заинтересованъ осторожно, но достаточно убѣдительно, высказанною гипотезой, которая открывала возможность существованія повѣсти на грузинскомъ языкѣ за много лѣтъ, пожалуй и вѣковъ до XII столѣтія. На первыхъ порахъ всѣ мои старанія разыскать что либо по этому вопросу завершились ничѣмъ или почти ничѣмъ, и въ работѣ о грузинскихъ повѣстяхъ, уже оконченной къ тому времени, ни слова не было обмѣвлено мною о такомъ важномъ памятникѣ. Только нѣсколько строкъ изъ одной грузинской брошюры ²⁾ — я уже не указываю на извѣстное мѣсто въ житіи св. Евфимія —, относящихся, повидимому, къ дѣлу, вмѣсто того чтобы дать удовлетворительное объясненіе, сами нуждались въ комментаріяхъ. Въ нихъ говорилось:

«Архимандритъ Іосифъ жилъ въ 1460 годахъ: онъ перевелъ съ греческаго «Мудрость Балавара». Монахъ Іосифъ поясняетъ, что по словамъ Софрона Палестинскаго, сына Исаака, «Мудрость Балавара» написана по поводу обращенія индійскаго народа въ христіанство: эта книга найдена въ книгохранилищѣ Эсона (?).»

1) Записки Вост. Отд. Имп. Русск. Археол. Общ. Томъ II, вып. I, стр. 166—174.

2) ზ. ჭიჭინაძე, ქართული ლიტერატურის შესახებ — XIII — XVI საუკუნეობა, თბილისი, 1885, стр. 20.

Къ тому же авторомъ не указывался источникъ, откуда онъ почерпнулъ эти свѣдѣнія.

Однако мысль о Балаварѣ не покидала меня, и нынѣшнимъ лѣтомъ, по прїѣздѣ на Кавказъ, я не упустилъ случая наводить всевозможныя справки.

З. Чичинадзе, авторъ помянутой брошюры о грузинской литературѣ XIII—XVI вѣковъ, передалъ мнѣ словесно, что ему извѣстны два списка искомой повѣсти: одинъ находится у іеромонаха алавердскаго монастыря Симеона Грдзелиева, а другой онъ видѣлъ въ рукахъ Ивана Бердзенова, умершаго два года тому назадъ въ деревнѣ Дигоми. Кромѣ того въ Гуріи оказалось нѣсколько человекъ ¹⁾ съ именемъ Балаверъ = Балаваръ, что могло уже указать не только на существованіе книги о Балаварѣ, но и на ея популярность въ Грузіи: заимствованіе именъ изъ популярныхъ книгъ въ старину среди грузинъ было болѣе, чѣмъ гдѣ либо, обыкновеннымъ явленіемъ. Наконецъ, 8-го іюля, № 142 грузинской газеты «Иверія» доводилъ до свѣдѣнія читателей о книгахъ, пожертвованныхъ г-жей Ниной Дапквиевою въ бібліотеку Общества распространенія грамотности среди грузинъ, въ числѣ которыхъ и упоминалась «Мудрость Балавара». 13-го я уже былъ въ Тифлисѣ, и списалъ всю повѣсть. Рукопись Общества распространія грамотности среди грузинъ оказалась съ весьма позднею датой, именно 1860 года, но это самое обстоятельство подавало надежду отыскать ея оригиналъ, и съ этой цѣлью я обратился при посредствѣ газеты «Иверія», № 153, къ любителямъ и собственникамъ древнихъ грузинскихъ литературныхъ памятниковъ съ просьбой обнародовать путемъ печати, если имѣются у нихъ какія либо свѣдѣнія о рукописяхъ «Мудрости Балавара». Вскорѣ за тѣмъ въ той же газетѣ, № 164, среди новостей дня послѣдовало огульное сообщеніе, что списокъ «Мудрости Балавара», разсмотрѣнный мною въ бібліотекѣ Общества распространія грамотности среди грузинъ, сдѣланъ съ рукописи Мелитауровыхъ, унаслѣдованной ими отъ грузинскихъ царевичей, при которыхъ одинъ изъ Мелитауровыхъ былъ придворнымъ духовникомъ. Въ «Иверіи» же, № 175, появилась замѣтка З. Чичинадзе о трехъ извѣстныхъ ему рукописяхъ «Мудрости Балавара»: это три упомянутые выше списка; по поводу Мелитауровской рукописи онъ прибавляетъ, что ея нынѣшній владѣлецъ, тоже Мелитауровъ, служитъ священникомъ въ одной изъ тифлисскихъ церквей.

Рукопись бібліотеки Общества распространія грамотности среди грузинъ, заключающая въ себѣ *საბჭოთა მადეგანის*, «Мудрость Балавара», имѣетъ форматъ обыкновенной тетради (дл.: 21,2 ст., шир.: 16,6 ст.);

1) Балаверъ Мгалоблишвили, Балаверъ Чконія и др.

въ ней за повѣстью о Балаварѣ, занимающею первыя 153 страницы, на 20 страницахъ слѣдуютъ разныя мелкія стихотворенія и толкованіе на «Отче нашъ»; послѣднія 10 страницъ пустуютъ. Бумага рукописи сѣрая; чернила черныя: только первыя буквы начальныхъ строкъ исполнены красными чернилами. Письмо гражданское, четкое: заглавныя буквы и буквы новыхъ строкъ — церковныя, обстоятельство, какъ я убѣдился за послѣднее время, указывающее на то, что списокъ, по всей вѣроятности, сдѣланъ съ церковной рукописи. Пагинаціею черезъ страницу — арабскими цифрами — снабжена только часть, занимаемая повѣстью о Балаварѣ.

Въ началѣ рукописи читаемъ:

«სიბრძნე ბაღვათისა თქმული მამის ისააკის ძის სოფრონ ჰაღესტინელისა.»

«Мудрость Балавара. Сочиненіе отца Софрона Палестинскаго, сына Исаака.»

Разсказу предшествуютъ нѣсколько строкъ, по видимому, отъ автора, указывающихъ на эіопское, т. е. индійское происхожденіе книги:

«მივედ ოდესმე ქვეყანას [ეთ]იოპეთსა და მუნ ვხედავ მე წიგნი ესე ინდოთ მეფის საწიგნესა, რომელსა შინა წეროლ არიან საქმენი მისნი.»

«Нѣкогда я прибылъ въ страну [Э]іопію, гдѣ въ книгохранилищѣ царя индійцевъ нашелъ эту книгу, въ которой описаны дѣла его.»

Повѣсть не подраздѣлена на главы, но каждая изъ восьми первыхъ притчъ носить надпись по порядку: თხრობა პირველი, თხრობა მეორე და სხვა, «первое слово», «второе слово» и т. д.

Въ концѣ «Мудрости Балавара» читается:

«სრულ იქმნა.

1860 წელს ოქტომბერს 6-ს დღეს გარდამოწერილ იქმნა აზნაურის გუბერნსკის სეკრეტარის ანტონი ზაქარიაძის ძის დაფქეიფის მიერ.

მშრომელთა კელი მიწდების,

ნაშრომი მათი განსაღ დაშობის.»

«Конецъ.

Въ 1860 году октября 6-го дня [эта повѣсть] переписана губернскимъ секретаремъ дворяниномъ Антономъ Захарьевичемъ Дапквісвымъ.

Рука тружениковъ обращается въ прахъ,

Трудъ ихъ останется, какъ сокровище.»

Языкъ повѣсти — церковный со всѣми тѣми стилистическими особенностями, какія мы находимъ въ Библіи, Евангеліи и у духовныхъ писате-

лей лучшей поры грузинской литературы. Употребленіе указательнаго мѣстоименія въ качествѣ опредѣленнаго члена, согласованіе опредѣлительнаго слова, даже существительнаго, съ опредѣляемымъ въ числѣ и падежѣ, равно глагола съ прямымъ дополненіемъ въ числѣ, постановка герундивной формы на *და* послѣдовательно послѣ всѣхъ начинательныхъ и потенциальныхъ глаголовъ, а также глаголовъ движенія и желанія, опущеніе окончанія повѣствовательнаго падежа *მბ* въ собственныхъ именахъ, обыкновеніе выражать будущее время и условное наклоненіе формами прошедшаго времени совершеннаго и несовершеннаго видовъ, и много еще другихъ архаическихъ оборотовъ грузинской рѣчи можно подкрѣпить массой примѣровъ изъ «Мудрости Балавара», въ которой кромѣ того поражаетъ одна синтаксическая особенность: это своеобразная аттракція падежей при относителномъ мѣстоименіи. Опредѣляемое слово главнаго предложенія ставится въ падежѣ относительнаго мѣстоименія, начинающаго собою опредѣлительное придаточное предложеніе, такъ:

1. *გარნა დმერთსა, რომელსა უფელთა კაცთა ნებაჲს ცხოვრება, მოწყალე ბის მისთჳს, რომელსა უფელა გლახკათა ზა, მიანიჭა მას შვილი კეთილი და სამღთო.*

2. *მე ესრეთ ვგონებ, მეფეო: დიდებსა, რომელსა მიეწივის ერმა ესე, არა არს მის სოფლის.*

3. *ჭრქუჭს მეფეს: ჰი მეფეო, კაცისა მის, რომელ[ი]ს დავიძის სსსოება, არა არს სჯულის შენის.*

Какъ архаизмы по этимологіи можно отмѣтить въ именахъ съ основой на *ს* присутствіе *ჲ* въ именительномъ падежѣ, въ глаголахъ окончаніе *ბ* вм. *ს* въ третьемъ лицѣ настоящаго времени и отчасти формы *არს* и *რქუბ*, хотя послѣднія встрѣчаются и въ позднѣйшихъ памятникахъ.

Лексиконъ равнымъ образомъ архаическій; достаточно указать на нѣсколько словъ: 1. *მოწლედ* = *მოწყალებით*; 2. *უნე* или *სხედარი* = *ცენი*; 3. *აზნადგინები* = *სარგებელი*; 4. *მოსადა* = *მოუწოდა*; 5. *დაადგრა* = *დაარსა*; 6. *დაავებს* = *შეარბებს*; 7. *იქცა* = *დაბრუნდა*; 8. *შეუტევებდა* = *შეუშვებდა*; 9. *მოიხენა* = *მოიღო*; 10. *ამრიგებული* = *გაბარებული*; 11. Частицы: *ა* вопросительная частица и *ჲ* въ соединеніи съ отрицаніемъ: *არაჲ*, уже не, и не.

Обращаютъ на себя вниманіе еще два слова: на одномъ изъ нихъ я позволю себѣ остановиться дольше въ виду особеннаго значенія, которое оно при надлежащемъ толкованіи пріобрѣтаетъ въ вопросѣ о времени нашего памятника. Это *მჭრინაზო*, болѣе древняя форма *მჭურინაზო*: Д. Ис. Чубиновъ въ своемъ словарѣ ссылаясь на Іерем. 8,7, переводитъ его горлицею; ссылка вѣрна, но сличеніе съ параллельными мѣстами

на другихъ языкахъ, какъ увидимъ ниже, не подтверждаетъ такого толкованія. Обратившись къ греческой и мусульmano-арабской версіямъ повѣсти объ индійскомъ царевичѣ Іоасафѣ, находимъ, что грузинскому слову მჭრინზო въ греческой версіи соотвѣтствуетъ ἀηδών, соловей, а въ арабской ^{عصفور}, воробей; мы не прочь были бы на ряду съ соловьемъ греческой версіи и воробьемъ арабской допустить въ грузинской любую птицу, если бы единственно возможное объясненіе слова მჭრინზო не сближало въ этомъ отношеніи грузинскую версію съ греческою. Дѣло въ томъ, что Сулханъ Орбелиани въ своемъ словарѣ, ссылаясь на то же самое мѣсто Библии, Іерем. 8,7, слову მჭრინზო придаетъ значеніе გამტკბილი, сладкозвучный; у него же глаголъ ჭრინზა толкуется въ смыслѣ пріятнаго пѣнія птицъ. Дѣйствительно, ჭრინზა есть звукоподражательное¹⁾ слово и означаетъ просто чириканіе или пѣніе птицы, и причастіе, произведенное отъ него, მჭრინზო, подобно греческому ἀηδών отъ αἰεῖω, можетъ означать, вообще, поющего или пѣвчаго и κατ' ἐξοχήν соловья. Чтò же касается упомянутаго мѣста изъ пророка Іереміи, то оно по первому печатному грузинскому изданію (1743) читается такъ:

«და ასიდა მს ცათა შა ცნა ჟმი თჳსი, გუროტმან და მჭრინზუმან და მეტცხელმან ვულისა სირთა დაიდგნეს ჟამნი შემოსვლისა მათისანი, ხ კემს ნმმან სარ ცნა სსჳჟელნი ო ანო.»

«Асида въ небесахъ знаетъ свое время, горлица, мჭრინზო (оставимъ пока безъ перевода) и ласточка поля, воробьи соблюдаютъ время своего входа, но народъ мой не знаетъ законовъ Господа.»

Слививъ это мѣсто съ параллельными стихами еврейской, греческой, армянской и славянской Библии, мы безъ всякаго затрудненія находимъ эквиваленты²⁾ для асиды, горлицы, ласточки и воробьевъ грузинскаго перевода, но не находимъ его для интересующаго насъ слова: есть возможность прослѣдить, какими путями въ грузинскомъ переводѣ даннаго мѣста Библии одной птицей болѣе, чѣмъ въ другихъ версіяхъ, и почему эта птица именно соловей, а не иная какая либо; но пока для насъ вполне до-

1) Звуковое сочетаніе ჭრ находится въ цѣломъ рядѣ грузинскихъ звукоподражательныхъ словъ съ разными оттѣнками одного общаго значенія «издавать звуки»: 1. ჭრალა, скрипъ; 2. ჭრინზა, сверчекъ; 3. ჭრინალი, крикъ фазановъ и подобныхъ имъ птицъ; 4. ჭრინინი, крики испуганныхъ дроздовъ или подобныхъ имъ птицъ; 5. ჭრინი, чириканіе и т. д.

2) Груз.	ასიდა	გორბი	მჭრინზო	მეტცხელი	სირთა
Евр.	יָרֵב	יָרֵב	»	יָרֵב	יָרֵב
Греч.	Ἀσίδα	τρογών	»	χελιδών	στρουθία
Арм.	արի	տարակ	»	խիճառ	խիճառ
Слав.	еродіа	горлица	»	ласточница	воробѣя

статочно знать, что VIII глава, 7 стихъ пророка Іереміи не обязываетъ нисколько измѣнить значеніе слова მჭერბეზი, опредѣляемое собственною его этимологіею. Между тѣмъ на грузинскомъ языкѣ до сихъ поръ извѣстно два названія для соловья — ადრბი и ბუღბუღი, оба иностраннаго происхожденія: ბუღბუღი стало пріобрѣтать право гражданства въ грузинской литературѣ къ концу XII вѣка съ усиленіемъ вліянія на нее персидскихъ литературныхъ образцовъ; до того для обозначенія той же самой птицы существовало пересаженное также литературнымъ путемъ греческое слово ადრბი¹⁾, которое только и встрѣчаемъ мы даже въ первыхъ переводахъ съ персидскаго языка, такъ напр. въ романѣ о Висѣ и Раминѣ. Естественно полагать, что ни греческое слово ადრბი, ни, конечно, персидское ბუღბუღი не находилось въ общемъ употребленіи, когда авторъ «Мудрости Балавара» назвалъ соловья кореннымъ грузинскимъ словомъ მჭერბეზი.

Другое слово — მძევარი — употреблено въ смыслѣ пустытника, можетъ быть *пастуха*, но ни въ какомъ случаѣ не *пасущагося*²⁾, какъ совершенно согласно съ этимологіею этого слова объясняется въ лексиконѣ Сулхана Орбелиани, такъ:

1. ხელთ ბლავარ დაუტევს დიდებს ესე წარმავალი და მძევართა თანს წაწვიდა მონებად იესოს ქრისტეს დთის წყნისს.

1. Балаваръ покинулъ величіе преходящее и отправился къ *пустыникамъ* служить Іисусу Христу Богу нашему.

2. იყო მხლადლად მათდა კაცთ ერთი მძევართაცანი, მფვიდა და დადგა გვაში იგი ბლავარისს თანს.

2. Жилъ по близости ихъ (Балавара и Іудасафа) одинъ изъ *пустыниковъ*: онъ пришелъ и положилъ тѣло [Іудасафа] рядомъ съ тѣломъ Балавара.

Въ такой новой рукописи, какъ наша, естественно встрѣтиться съ слѣдами подновленія: такимъ путемъ объясняю я между прочимъ присутствіе слова ცხენი вм. უხე или სხედარი въ одномъ мѣстѣ и окончанія множ. числа ებო вм. ნო въ двухъ мѣстахъ.

1) Въ ადრბი произошла перестановка звуковъ ა — s, какъ въ ადრბი = აღორბი.

2) Собственно მძევარი есть передача βαρχοί, pabulatores: такъ назывались монахи, питавшіеся одними кореньями и травами; но это же слово встрѣчаемъ мы въ смыслѣ вообще отшельника въ грузинскомъ переводѣ житій Ксенофора, Нисимы и нѣкоторыхъ другихъ подвижниковъ и подвижницъ. Въ числѣ трудовъ самого Евеніи Аѳонскаго (А. Цагарели, Свѣд. и пр. I вып., стр. 57, Сабининъ, საქართველოს სპობიკი, стр. 414) упоминается ცხოვრება წმინდა ოსოტონი მძევარისა, Житіе Св. Онофрія Отшельника; почтенный профессоръ, принявъ, очевидно, მძევარი за nomen gentis или loci Святаго, оставилъ его безъ перевода (ib.): «Житіе Св. Онофрія — Мдзовли». Въ одномъ сравнительно недавнемъ спискѣ житія Св. Онофрія (Аз. Муз. рук. № 56, вторая тетрадь, стр. 3, 3—б, 11) текстъ подновленъ, и слову მძევარი подмѣнено слово ვანოპებულნი отшельникъ, пустычникъ.

До появленія описанной мною грузинской рукописи были извѣстны двѣ главныя редакціи повѣсти объ индійскомъ царевичѣ: одна болѣе извѣстная — греческая ¹⁾, другая — мусульмано-арабская, только недавно изданная ²⁾ по дефектной рукописи: въ ней рассказъ прерывается въ моментъ, когда Билавхаръ простился съ царевичемъ, и царь совѣтуется съ знаменитымъ чародѣемъ, какъ возвратить заблудшагося сына въ идолопоклонство.

Издатель, профессоръ мюнхенскаго университета Хоммель, перечисливъ на основаніи Фихриста нѣсколько книгъ о Билавхарѣ, переведенныхъ съ пехлевійскаго на арабскій языкъ, утверждаетъ, что издаваемый имъ текстъ и есть одинъ изъ такихъ прямыхъ переводовъ съ пехлевійскаго; ясное доказательство такого положенія онъ видитъ въ томъ, что эта повѣсть по стилю и образу выраженій находится въ тѣснѣйшей связи съ книгою о Калилѣ и Димнѣ, переведенною также съ пехлевійскаго. Одновременно проф. Хоммель приходитъ къ заключенію, что еврейская обработка בן הבלד והנזיר «Царевичъ и Подвижникъ» въ риомованной прозѣ есть переводъ съ этой арабской мусульманской редакціи, а не христіанской, какъ указано въ предисловіи у самаго переводчика Ибн-Хисдаи. Разныя редакціи исторіи о Варлаамѣ существовали еще на пехлевійскомъ языкѣ, откуда арабскій переводъ подъ названіемъ «книга о Б-л-в-х-рѣ (еще безъ опредѣленной вокализации) и Бūdасф'ѣ», насколько можно судить по заглавію, попалъ къ автору греческой версіи Іоанну, монаху Савинскаго монастыря; полемизируя при этомъ случаѣ съ Zotenberg'омъ, проф. Хоммель исключаетъ возможность, чтобы греческая версія была написана до Іоанна Дамаскина: при всей свободѣ въ обработкѣ матеріала греческій авторъ слишкомъ близокъ къ первоисточнику пехлевійскому (насколько можно теперь судить по родственнымъ редакціямъ мусульмано-арабской и еврейской Ибн-Хисдаи), чтобы допустить иное, чѣмъ литературное заимствованіе, а заимствованіе литературнымъ путемъ до эпохи Аббасидовъ немыслимо ³⁾. Другой также арабскій переводъ съ пехлевійскаго и есть издаваемый текстъ, оригиналъ еврейской передѣлки Ибн-Хисдаи. На-

1) Boissonade, *Anecdota graeca*, IV т. 1832, стр. 1—365. Перепеч. Migne, *Patrologiae cursus completus, series graeca*, XCVI т., 1860, стр. 859—1240. У меня въ рукахъ былъ послѣдній трудъ, но въ немъ — въ греческомъ текстѣ — удержано обозначеніе страницъ буассонадовскаго изданія, по которымъ и цитую.

2) Fritz Hommel, *Die älteste arabische Barlaam-Version*. Wien, 1887.

3) Вслѣдъ за текстомъ въ послѣсловіи (стр. 51—52) проф. Хоммель какъ на весьма вѣроятнаго автора греческой версіи указываетъ на несторіанскаго медика Іоанна (+ 857), сына Георгія Месоэ или Масавайхи, знатока греческаго, сирійскаго и арабскаго языковъ, однако тутъ же въ примѣчаніи ограничиваетъ значеніе этого автора, говоря, что онъ могъ быть простымъ передатчикомъ матеріала въ арабской обработкѣ какому либо неизвѣстному намъ монаху, писавшему по гречески.

конецъ, проф. Хоммель довольно подробно передаетъ содержаніе повѣсти о Варлаамѣ по мусульмано-арабской редакціи, сличая ее съ еврейской передѣлкой Ибн-Хисдаи, сохранившеюся въ цѣлости. Непосредственно передъ текстомъ помѣщена таблица для нагляднаго обозрѣнія различныхъ редакцій.

Въ повѣсти объ индійскомъ царевичѣ, сопоставляя ее грузинскую версію съ греческою и мусульмано-арабскою, различаемъ три элемента: 1. фабулу, 2. притчи и 3. религіозно-духовное поученіе.

Фабула, служащая канвой повѣсти, — обща всѣмъ тремъ версіямъ за небольшимъ отступленіемъ грузинской.

У индійскаго царя-язычника, долго остававшагося бездѣтнымъ, рождается сынъ, предсказанія о которомъ заставляютъ отца преслѣдовать вѣрующихъ. Царевичъ воспитывается въ невѣдѣніи темныхъ сторонъ земной жизни, но съ совершеннолѣтіемъ пробудившееся въ немъ сознаніе гонитъ его изъ заключенія на свѣтъ божій. При видѣ картинъ безсилія и страданій человѣческой природы у царевича возникаютъ нѣкоторыя сомнѣнія, и для разъясненія ихъ онъ ищетъ человѣка. Одинъ изъ отшельниковъ (по греч.: Варлаамъ, по араб.: Б-л-в-х-р, по груз.: Балаваръ) узнаетъ о желаніи царевича и, переодѣвшись въ купца, является подъ предлогомъ продать ему чудесный драгоцѣнный камень. Открывъ себѣ такимъ образомъ доступъ въ покои царевича, подвижникъ излагаетъ ему ученіе объ истинной вѣрѣ.

Въ этомъ мѣстѣ главнымъ образомъ сосредоточены какъ притчи, такъ поученія: онѣ вложены въ уста подвижника.

Наставникъ уходитъ¹⁾, но сѣмя, брошенное имъ на доброй почвѣ, приноситъ добрые плоды: царевичъ твердо держится заповѣданнаго ему ученія, побѣждаетъ языческихъ проповѣдниковъ и чародѣевъ, превозмогаетъ всякія искушенія, смягчаетъ отеческое сердце, получаетъ удѣлъ, въ которомъ подъ его мудрымъ правленіемъ преумножается благоденствіе и возрастаетъ число вѣрующихъ и, наконецъ, обращаетъ въ свою вѣру отца со всѣми его подданными. По смерти отца сынъ земное царство оставляетъ родственнику Барахіѣ, а самъ идетъ въ пустыню, гдѣ встрѣчается съ своимъ наставникомъ. Повѣсть кончается смертью подвижниковъ, сначала учителя, затѣмъ ученика. Царь Барахія переноситъ ихъ мощи на родину.

По грузинской редакціи съ мудрецомъ Балаваромъ или Варлаамомъ мы знакомимся гораздо раньше его миссіонерской дѣятельности: онъ впер-

1) Въ сохранившейся рукописи арабской версіи все слѣдующее недостаетъ.

вые является намъ въ роли придворнаго сановника ¹⁾. Такъ какъ описаніе жизни Балавара при дворѣ примыкаетъ непосредственно къ началу, я заодно приведу всю эту часть повѣсти съ первыхъ же строкъ:

«იოე ²⁾ ვინმე მეფე ქვეყანისა ინდოეთისა აღიგლსა, რომელსა რქვან ბოლად და სხელი მისი აბენეს: იოე სარწმუნოებით წარმართი და კერძომისხუთი, გარნა გონებაკეთილი, მშვიდი, მდაბალი და ფეღ მოწყალე გლახაკთა და არა ესა მას შვილი, ამისთჳს დიდათ მწუხარე იოე იგი უშვილობისათვის, რამეთუ ფრიად მდიდარი იოე იგი და სწადოდა რათამტა დაეტევს (ყიტ.: დაუტევს) მკვიდრი მონაგებთა ზა, ამისთვის ევედრებოდა ღმერთთა თჳსთა, რათა მიანიჭოს (ყიტ.: მიანიჭოს) მას შვილიერება, ნ ღმერთნი მისნი ვერა რასშემძლებელნი იუწყეს კეთილისა ყოფად მისდა, ამისთჳსცა ცუდ იქმნებოდა ვედრება მათი, გარნა ღმერთსა, რომელსა ყოველთა კატა ნებაჲს ცხოვრება, მოაწყალებისა მისთჳს, რომელსა ჰყოფდა გლახაკთა ზა, მიანიჭა მას შვილი კეთილი და სამლო, ამისთვის აბენეს მეფე აღივსო სიხარულითა დიდითა და უწოდა სხელი მისი იოდასაფ და სოქჳ: «ესე მიუვეს ღმერთთა ჩემთა» და უმეტეს აღიდნა იგინი და შეჰკრიბა სიმრავლე ვარსკვლავთა-მრისხველთა და ფილოსოფოსთა და მემაგრეთა (ყიტ.: მემაგრეთა) რათა აუწყონ, რა წინა უძს ძეს მისსა ანუ ვითარისა ბედისა არს იგი, ნ მათ ყოველთა სოქვეს ესრეთ, ვითარმედ მიიწვეის ერმა კეკ დიდებასა მეფობისასა, რომელ არა სადა ვინ მიწევნილარს ქვეყანასა ამს ინდოეთისასა, ნ იოე მათ შორის კაცი ერთი მეცნიერი სიბრძნითა უფროს ყოველთასა და ჰრქჳ მეფეს: «მე ესრეთ ვგონებ, მეფეო, დიდებასა, რომელსა მიეწვეის ერმა ესე, არა არს ამის სოფელისა, არამედ გგონებ, ვითარმედ დიდი წინამძღვარი იოეს ჰეშმარიტებისა». ხოლო ვითარცა ესმეს სიტყვანი ესე მეფესა, აღივსო მწუხარებითა და მაშინ ბრძანა მონათა მათ ქრისტესთა განსხმა ქვეყანისაგან მისისა და ქადაგი წარავლინა ხმობად ესრეთ: «ამას იტევის აბენეს მეფე — უკეთუ ვინმე იბოოს ქრისტეანეთაგანი შემდგომად სამისა დღისა, ძვირძვირითა ტანჯვითა მოისრნენ იგინი ყოველნი». ნ დღეს ერთსა განვიდოდა მეფე მოხილვად გარეგან ქალაქისა და იხილნა ორნი კაცნი დთის-მსახურნი განმავადნი ქალაქით და არქჳ მათ: «ვითარ კადნიერ იქმნენით არა განსვლად ქვეყანით ჩემით? ანუ არა გესმას, ვითარ ხმობდა ქადაგი ჩემი?» და ჰრქჳ მათ: «აჲ ესერა განსვლად ვართ». და ჰრქჳ მათ: «რამან დაგაყენათ აქამოდ?» ჰრქჳ

1) Известна одна французская мистерія XIV—XV столѣтія на тему нашей повѣсти съ интереснымъ въ этомъ отношеніи заглавіемъ: *Un miracle de Notre Dame, de Barlaam, maistre d'ostel du roy Avenir qui converti Josaphat le fil du roy et depuis converti Josaphat son père le roy et tous ses gens*, см. Barlaam und Josaphat, von Gui de Cambrai, herausg. von Zotenberg u. Meyer. Stuttgart. 1864, стр. 368—417: въ ней вельможа-христианинъ при дворѣ Авенира названъ Варлаамомъ.

2) Настоящее извлеченіе, какъ и прочія, взято изъ вышеописанной рукописи XIX в., при чемъ удержана орфографія подлинника съ ея непоследовательностью и подновленіями. Первоначальное чтеніе текста по возможности будетъ восстановлено въ предполагаемомъ мною изданіи всей повѣсти «Мудрость Балавара».

მათ: «უპოვარებაჲს სავსესაჲს». ჰქმნა მათ მეფემან: «რომელთა ესინის სიკვდილისაგან, არღარა დროებს სავსესათჳს», და ჰქმნეს მათ: «უკეთუმცა გვეშინოდა, მოვისწრაფეთმცა განსვლაჲ, განა არა? გვეშინის სიკვდილისა, რამეთუ სიკვდილისაგან განსვენებასა მოველით», და ჰქმნა მეფემან: «ვითარ იტყვიით მაგას, და აწ შიშისაგან ჩემისა განსვალთ ქვეყანით ჩემით?» — «ამას არა შიში სათჳს სიკვდილისა ვიქმით განსვლასა ქვეყანით შენით, [და] ამისთჳს რათა არა მიზეზ გვექმნეთ კაცის მგულელობისა და უღთობისა, ხე შიში შენი არაოდეჲ მოსრულა გულთა ჩვენთა». ხე ივინი განუტყვნა და ბრძანება დასდგა, რათა რაოდენი ჰპოონ ქრისტიანენი, ცუცხლითა დასწვან. ხე მეფესა იახენეს ესეჲ კაცი ერთი სახელად ბაღვაწი და იყო იგი ღმრთი-მსახურ მორწმუნე და მოსაგუჲ ქრისტიანი და უგუარდა ფეხ მეფეს, რამეთუ იყო იგი გონიერი და ფრთხილ და შვერად კეთილ და უწარბინებულეს ყოველთა იყო წინაჲ მეფისა, და არა იცოდა იახენეს, თუ მანა არს ქრისტიანი, და ყოველთა წარბინებულთა მისთაგან ამას უმეტეს პატივსცემდა.

ამან ბაღვაწმა ოდესმე იხილა მიმავალმან გზასა ზედა კაცი მდებარე, რომელი მხეცისა მიერ ვნებულ იყო, და ტიროდა კაცი იგი და ჰქმნა მას ბაღვაწი: «რად ესრეთ ხარ კაცო და სტირით?» ჰქმნა მას კაცმან მან ყოველივე, და «მე ესე მოგახსენო: მე ვარ კაცი სიტყუაგულოვანი და მხეცისაგან შეჭმულ ვიქმენ და დაკლებულ ასოთაგან, და უკეთუ ვინ მიღვაწოს, სახმარ მის ვიყო დღესა ჭირისასა». ხე მან სიტყუანი ესე არად შერაცხნა, გარნა შეეწაღა და უბრძანა მონათა, რათა აღსვან უნეს და მიიქვეანონ მისთაგან სახლად თჳსად, და უბრძანა სახლის უფროსსა, რათა კეთილად იღვწოდეს მისთჳს და ნუგეშინის სცემდეს.

ხე ბაღვაწს შეემტერესე კაცი იგი კერპთმსახურთანი, რამეთუ შერდათ მისთჳს პატივი იგი მეფისა, რომელი წინა უყოფდა მას, და მივიდეს და ჰქმნეს მეფეს: «ჴი მეფეო, კაცისა მის, რომელ[ი]სა დაგიძის სასოება, არა არს სჯულისა შენისა, რე უკეთუ ჰპოონ კაცთა მათგანი ქრისტიანეთა, მოწელედ მოიკითხვოს, და აწ ნებაჲს განდგომილება შენი და დაჰყოზად მეფობისა შენისა და, რომელსა ნიჭა ჰპოვის განდრეკილნი მეფობისაგან თქვენისა, მოსწრწაფებით ჰყვარობს მათ და პატივსა წინა უყოფს».

და ჰქმნა მათ მეფემან: «უკეთუ არა იყოს ეგრეთ, ვითარცა სთქმით, ბოლოტი არს თქვენდა, და გიყო თქვენ მაგიერი».

და იყო გამოცდაჲ მისა. მოუწოდა მეფემან კაცსა მას ღმრთისა და ჰქმნა: «შენ უწეო, მეგობარო ჩემო, ვითარ შეუყოფილ არს გონება ჩემი სოფლის საქმეთა შინა და ვითარ აღვასრულენ დღენი ჩემნი. მხედამ, რამეთუ ცუდათ ვშეშრები, და მეშინის, ნუ უკვე მოიწიოს აღვასრული, და მე ცალიერ ვიპოო, აწ უკვე მნებაჲს ამიერიდგან შევერთო მონათა მათ ღმრთისათა და ვიღვაწო საუკუნოსა მისთჳს ცხოვრებისა; აწ შენ რასა იტყვი, ერთგულო და თანამზრახველო ჩემო?» და ვითარცა ესმა ესე კაცსა მას ღმრთისა აღიძრა გონება მისი და ცრემლედ და ჰქმნა მას: «ცხონდი, მეფეო, უკუნისამდე, რამეთუ წარმავალსა მის წილ აღვირო ჩვეიწ წარუდი, და უმჯობესი! არა რა არს სოფლისა ამის დიდება, რამეთუ

ვითარცა აზრდილი წარვადს და ვითარცა კვამლი განჭქარდების. აწ წარმათე გულის სიტყუა შენი, რამეთუ კეთილ არს რათა წარმავადის ამის დატყეებითა წარუადი იგი დიდება მოიუიღო.

და დამძიმდეს სიტყუანი ესე წინაშე მეფისა, და აღივსო მანგიერებითა მისთჳს, და არა გამოუცხადა მას. მაშინ გულისხმა ჰყო ბაღავარ, რამეთუ საცა თუჩი დატეხულარს მისთჳს, და შესწუხდა ფრად და დაადგრა ღამესა მას უძიად, და მოესუნა კაცი იგი სიტყვის კელოვანი, მოუწოდა და ჰრქჳს მას: «შენ მეტყოდი — განგუჳრნებ სიტყვით წყლულსა», და ჰრქჳს მას კაცმან: «და არსცა ეგრეთ: ნუ უკვე გიხმს რამე აწ»

ნ მან ჰრქჳს: «ესოდენთა ჟამთა ვმონე მეფესა და არა სდა ვიხილე მრისხანება მისი ჩემდამო, რამეთუ ერთგულებით ვიდოდი წინაშე მისისა, ნ დღეს ვიხილე იგი ჩემდამო, და, ვგონებ, არა არს მშვიდობა მისი ჩემდამო».

და ჰრქჳს ვნებულმან მან: «და რაჲ მიზეზი იყო შორის მისისა და შენსა, ნ მან ჰრქჳს: «არა რაჲ ვუწეი, გარნა ესე რამეთუ სიტყუა ერთი მრქჳს, და მე ვაწეე უმჯობესი, და ვგონებ, რომელ განმცადა სიტყვითა, და ყოველი წარმოა უთხარო». და ჰრქჳს ვნებულმან მან: «მე განგუჳრნო სიტყვანი ეგე შეწევნითა ქრისტესითა და ძალითა ჟვარისათა; ესე უწეოდე, რამეთუ ბოროტი იჭვი აქვს მეფესა შენდამი, რამეთუ ზაგვით ზრახავს შენდამი და გონებს შენ მიერ დაჰა ყრობას მეფობისა მისისა. აწ აღდექ ხვალე და დაიგვეცე თამა თავისა შენისა და განიძარცვე სამოსელი ეგე შენი და შეიმოსე ძაძისა და ეგრედ შევედ წინაშე მისისა და, უკეთუ გკითხოს: «რაჲ არს ესე?» არქჳს მას: «რამესათჳსცა შენ მე მიწოდე გუშინ, მე ესერა განმზადებულვარ, რამეთუ არა მნებავს თვინიერ შენსა ცნოა ვრებაჲ, რამეთუ მიზიარე კეთილთა მათ სანეფელსა შენისათა, აწ თანა მამს რათა გეზირო ჭირთაცა შინა ამის სოფლისათა და ვითარცა გინა, უკვე ვიტანა ჟოცა შენთანა და რათა შენთანვე ღირს ვიქმნე საუკუნოდ».

და ჰყო კაცმან მან, ვითარცა ასწავა მას ვნებულმან, და აღმოვიდა იჭვი გულისხმან მეფისა და განბოროტნა შემასმენელთა მათ თჳს ბაღავარისათა, და ბაღავარ იშვებდა სიხარულითა, და ედ მოეგო თმა თავისა თჳსისა და კვალად შეუხდა შუჩი მთავართა მათ ბაღავარისათჳს, და ჰრქჳს მეფესა: «მეფეო, თუ განიხილო ეელი ბაღავარისა, იხილო მისთანა ჟვარი, რომელსა თაყვანისცემს იგი, და ღმერთნი ჩვენნი საბასრობედ არიან მის წინაშე». ნ მეფე ჰგონებდა, თუ ტყუილსა იტყვიან მისთჳს, და მიჰყო კელი და იხილა ჟვარი ოქრომასა მკერდსა ზედა მისისა და ჰრქჳს მას მეფემან: «რაჲ არს, ბაღავარ, ცთომილება ესე შენის?» ნ ბაღავარ ჰრქჳს: «ჴი მეფეო, არა ვარ მე ცთომილ, რ სიერმით ჩემიდგან ვმონებ ქრისტესა და თაყვანის ვსცემ ჟვარსა, რომელსა ზედა კელნი განიჴერნა ხსნისთჳვის ჩვენისა, ნ მსახურება შენი არა რა ოდეს დამიკლია, და აწ ვინაიდგან სხელი ქრისტეს ღმთისა ჩემისა ჩემზედა, მე არღარა უარ ვუო ღვთაება მისი, უკეთუ გორცნი ჩემნი დასჭრნე გინა ცრცხლითა დასწვნე, გარნა სულსა ჩემსა კელთა მისთა შევევედრებ (ყნთ.: შევავედრებ)». ჰრქჳს მას მეფემან: «ნუ ეგრეთ

იტყვი, სავფარელო ჩემო ბაღვარ, რამეთუ კაცი ხარ დიდებული და უპირატესი წინაშე ჩემსა, და, უკეთუ თაყვანისცე დმერ[თ]თა ჩემთა, მოგცნე შენ სხუანდა ქალაქნი და სჭურჭლენი ჩემნი შენ ზედა დაფაცადიერნე, რამეთუ ფე სავფარელო ხარ წინაშე ჩემსა, და, უკეთუ ესე არა ჰყო, სიტანჯველითა სსრტიკითა განვლივნე ხორცნი შენნი და არღარა მოგისვენო სიუფარული შენი».

მამინ განისხნა სარტყელი ოქრომას კაცმან მან ღთისმან ბაღვარ შემკული თვლებითა პატიოსნითა და დასდვა წინაშე მეფისა და ჭრქჳ: «უკეთუმდა დამაქჳ გვირგვინი მეფობისა თავსა ჩემსა, პატივისა მისთვის ვერ შეარყო ქრისტეს მიმართ სარწმუნოება ჩემი და, უკეთუ ტანჯვითა განვლივნე კორცნი ჩემნი, ვერაჲე შემადრწუნო, რამეთუ ზეცისა კეთილნი უზესთაჲს არიან ვიდრე ქვეყნიერთა, [რომელთა] შინა ვიშვებთ სამარადისოდ, და ჯოჯოხეთსა სიტანჯველნი უმწარეს, რომელსა შინა დასჯად არიან წინა აღმდგომნი ღთისნი და უარის მყოფელნი, ხოლო მე, მეფეო, მზა ვარ ტანჯულად, და შენ ნუ სდრეკებ, რათა ჯდრე წარვიდე წინაშე მეფუისა ჩემისა, რათა განვისვენო მე უკუნისამდე».

წ სიტყვითა ამით ზედა ღმობიერ იქმნა და ჭრქჳ: «ჴი სავფარელო ბაღვარ, ვითარ წარმივეყო სსრეობა და ურჩე ექმენ ბრძანებასა ჩემსა! აჲ წარვედ ქვეყანის სკან ჩემისა, და ნუმცა მესმის ამბავი შენი ყურთა ჩემთა, და, უკეთუ გპოვოდა, უბრძლომდა ვარ მე სისხლისაგან შენისა».

წ ბაღვარ დაუტყვა დიდება ესე წარმავალი და მხოვართა თანა წარვიდა მონებად იესოს ქრისტეს ღთისა ჩვენისა.»

ПЕРЕВОДЪ.

«Быль нѣкоторый царь, по имени Іабенесь, въ мѣстности Индіи, называемой Болатомъ, по религіи язычникъ и идолопоклонникъ, но благомыслящій, мирный, скромный и весьма милостивый къ бѣднымъ. У него не было сына, и бездѣтность крайне огорчала его, такъ какъ, будучи весьма богатымъ, онъ хотѣлъ оставить наследника надъ своими пріобрѣтеніями,—царь просилъ своихъ боговъ, чтобы они даровали ему дѣтей ¹⁾: боги его нисколько не могли пособить ему, и онъ тщетно молилъ ихъ, но Богъ, желающій всѣмъ людямъ жизнь, далъ ему добраго и набожнаго сына изъ-за милости, оказываемой имъ бѣднымъ; царь Іабенесь исполнился великой радости и назвалъ его Іодасафомъ, причемъ говорилъ: «Это сдѣлали мнѣ мои боги», и еще больше возвеличилъ ихъ. Онъ собралъ множество звѣздочетовъ, философовъ и гадателей, чтобы они сообщили ему, что предстоитъ его сыну или какова его судьба, и они въ одинъ голосъ сказали такъ: «Этотъ младенецъ достигнетъ царскаго величія, котораго никто никогда не дости-

1) შვილადრება, დფთროждение.

галъ въ этой индѣйской странѣ». Но былъ среди нихъ одинъ болѣе всѣхъ извѣстный своей мудростью, и онъ сказалъ царю: «Я такъ думаю, царь, что слава, которой достигнетъ этотъ младенецъ, — не отъ сего міра: думаю, что онъ будетъ великимъ учителемъ истины». Слыша эти слова, царь исполнился печали; тотчасъ же приказалъ изгонять рабовъ Христа изъ страны и отправилъ глашатая провозглашать такимъ образомъ: «Царь Абенесъ говоритъ это: если спустя три дня [въ его царствѣ] окажется кто либо изъ христіанъ, пусть избиваютъ всѣхъ таковыхъ въ тяжкихъ мукахъ». Однажды царь вышелъ изъ города для осмотра и увидѣлъ, что изъ города идутъ двое слугъ Бога. Онъ сказалъ имъ: «Какъ осмѣлились вы не уходить изъ моей страны? или вы не слышали, какъ мой глашатай провозглашалъ?» Тѣ сказали: «Вотъ мы собрались уходить». Царь сказалъ имъ: «Чтò удержало васъ до сихъ поръ?» Тѣ сказали: «Неимѣніе дорожной провизіи». Царь сказалъ имъ: «Кто боится смерти, не медлитъ изъ-за дорожной провизіи». Тѣ сказали: «Если бы боялись мы, то и поспѣшили бы уйти, но мы не боимся смерти, ибо отъ смерти мы ждемъ покоя». Царь сказалъ: «Какъ можете вы говорить это, когда уходите изъ моей страны, уstraшенные мною». «Не изъ-за страха передъ смертью уходимъ мы такъ изъ твоей страны, а чтобы мы не стали причиной челоуѣкоубійства и безбожія; страхъ же твой никогда не входилъ въ наши сердца». Но царь отпустилъ ихъ и положилъ приказомъ, чтобы сжигали огнемъ христіанъ, сколько бы ихъ ни находили.

При царѣ же Іабенесѣ былъ нѣкто по имени Балаваръ, слуга Бога, вѣрующій въ Христа и полагающійся на Него; царь очень любилъ его: онъ былъ смышленъ, благоразуменъ, хорошъ какъ писатель и на лучшемъ счету у царя. Не зная, что онъ — рабъ Христа, Іабенесъ оказывалъ ему честь болѣе, чѣмъ всѣмъ своимъ вельможамъ.

Однажды Балаваръ идя увидѣлъ, что на дорогѣ лежитъ челоуѣкъ, пострадавшій отъ звѣря, и плачетъ. Балаваръ сказалъ ему: «Чтò съ тобою, челоуѣче, и почему плачешь?» Тотъ же все объяснилъ. «Доложу я Вамъ слѣдующее, говорилъ онъ: — я, мужъ искусный въ рѣчи, былъ укушенъ звѣремъ и лишился членовъ и, если кто порадѣтъ обо мнѣ, въ день опасности буду я ему полезенъ». Балаваръ не обратилъ вниманія на эти слова, однако, сжалившись надъ пострадавшимъ, приказалъ рабамъ, чтобы посадили его на лошадь и привели къ нему на домъ, а домоуправителю поручилъ заботиться о немъ хорошо и утѣшать его.

Между тѣмъ Балавара возненавидѣли идолопоклонники; ибо завидовали чести, которую царь оказывалъ ему. Явившись къ царю, они сказали: «О царь! челоуѣкъ, на котораго ты полагаешься, — не твоей вѣры, ибо, встрѣчая христіанъ, милостиво привѣтствуетъ ихъ; такъ онъ хочетъ от-

пасть отъ тебя и завладѣть твоимъ царствомъ и, кого только находить отступившимъ отъ Вашего Величества, съ тѣмъ онъ старается быть любезнымъ и оказываетъ ему честь».

Царь сказалъ имъ: «Если не окажется такъ, какъ вы говорите, плохо будетъ вамъ: вы получите возмездіе».

Царь началъ испытывать Балавара; призвавъ божьяго человѣка, онъ сказалъ ему: «Ты знаешь, другъ мой, какъ погруженъ мой умъ въ мірскія дѣла, и какъ я провелъ свои дни; видишь, что тружусь безъ пользы; боюсь, что настанетъ конецъ, и я окажусь ни съ чѣмъ; такъ уже съ этого дня хочу присоединиться къ рабамъ Бога и подвизаться для вѣчной жизни: что же скажешь ты, о мой вѣрный совѣтникъ?» Слыша это, божій человѣкъ съ взволнованнымъ умомъ и со слезами сказалъ ему: «Живи, царь, во вѣки, ибо взявъ преходящаго ты избралъ непреходящее и лучшее! Величіе этого міра — ничто: оно преходитъ, какъ тѣнь, и исчезаетъ, какъ дымъ. Теперь направь свои помыслы [по вѣрному пути], ибо хорошо цѣною ¹⁾ преходящаго міра приобрѣсть непреходящее».

Царю тяжело было отъ этихъ словъ, и онъ исполнился недовольства къ божьему человѣку, но не открылъ ему; тогда, догадавшись, что ему были разставлены сѣти, Балаваръ очень огорчился и ту ночь оставался безъ сна, но, вспомнивъ про мужа искуснаго въ рѣчи, призвалъ его и обратился къ нему со словами: «Ты говорилъ мнѣ, что исцѣляешь рану словомъ». Мужъ сказалъ ему: «Такъ и есть; нуждаешься-ли ты теперь въ чемъ либо?» Балаваръ сказалъ: «Сколько времени я служилъ царю, и никогда не видѣлъ я, чтобы онъ гнѣвался на меня, ибо я ходилъ съ вѣрностью передъ нимъ, но сегодня замѣтилъ его гнѣвъ, и, думаю, нѣтъ у него болѣе мира для меня». Пострадавшій сказалъ: «Что произошло между вами?» Балаваръ сказалъ: «Ничего не знаю, кромѣ того, что онъ спросилъ меня объ одной вещи, и я сообщилъ ему лучшее [что я могъ], но, думаю, онъ испыталъ меня на словахъ, а я весь открылся». Пострадавшій сказалъ: «Я исцѣлю эти слова съ помощью Христа и силою креста. Знай, что царь подозрѣваетъ тебя во злѣ, предполагая, что ты лукавишь: онъ думаетъ, что ты завладѣешь его царствомъ; такъ встань завтра, обстриги волосы своей головы, сними платье и одѣвайся въ вретище и такимъ образомъ войди къ нему; если онъ спроситъ тебя: «Что это такое?» скажи ему: «Вотъ приготовился я къ тому, къ чему ты призывалъ меня вчера, ибо не хочу жизни безъ тебя: ты приобщилъ меня къ благамъ твоего царства, теперь мнѣ надлежитъ такъ же приобщиться къ твоимъ страданіямъ въ этомъ мірѣ, согласно съ твоимъ

1) ^{ἡ ἀποδομιή} оставленіемъ.

желаніемъ мучиться съ тобой и удостоиться съ тобою же вѣчности». И когда Балаваръ поступилъ, какъ научилъ его пострадавшій, подозрѣніе вышло изъ сердца царя: онъ разозлился на обвинителей Балавара, а Балаваръ наслаждался и веселился, и опять выросли волосы у него на головѣ, и опять вкралась [въ сердца] у начальниковъ зависть къ Балавару, и они сказали царю: «Царь! если осмотришь шею Балавара, найдешь у него крестъ, которому онъ покланяется, боги же наши—предметъ его насмѣшекъ». Но царь думалъ, что про Балавара говорятъ ложное, а когда, протянувъ руку, увидѣлъ золотой крестъ на груди у него, царь сказалъ ему: «Что это за твое заблужденіе, Балаваръ?» Балаваръ же сказалъ: «Я не заблуждаюсь; я служу Христу съ молодыхъ лѣтъ и покланяюсь кресту, на которомъ Онъ простеръ руки для нашего спасенія, однако по службѣ у тебя я не дѣлалъ упущеній; теперь, такъ какъ имя Христа, Бога моего, — со мною, не отвергну Его божества: если изрѣжешь мое тѣло или сожжешь огнемъ, то душу мою вручу Ему». Царь сказалъ ему: «Не говори такъ, мой любезный Балаваръ, ибо ты — вельможа и первый у меня; если будешь покланяться моимъ богамъ, дамъ тебѣ и другіе города и для тебя опорожню свои сокровищницы, такъ какъ я тебя очень люблю, а если не сдѣлаешь этого, истощу твое тѣло въ жестокихъ мукахъ и не вспомню про любовь къ тебѣ».

Тогда божій человѣкъ Балаваръ снялъ золотой поясъ, украшенный драгоценными камнями и, положивъ его передъ царемъ, сказалъ: «Если мнѣ покроешь голову царскою короною, то и такою честью не поколеблешь моей вѣры въ Христа, и хотя истощишь мое тѣло въ мукахъ, но меня не смутитъ, ибо выше земныхъ благъ — небесныя, которыми наслаждаемся вѣчно, и прегорьки суть муки ада, которыми будутъ наказаны противники и отрицатели Бога, я же, о царь, готовъ на [земныя] муки: не медли, — чтобы я скорѣе отошелъ къ моему Господу упокоиться на вѣки».

Но при этихъ словахъ царь смягчился и сказалъ: «Любезный Балаваръ, какъ лишилъ ты меня надежды, послушавшись моего приказанія! Уйди же изъ моей страны, чтобы вѣсть о тебѣ не доходила до моихъ ушей! Если найду тебя опять [въ моей землѣ], я не буду повиненъ въ твоей крови».

Балаваръ покинулъ величіе преходящее и отправился къ пустыннымъ служить Христу Богу нашему.»

Такимъ образомъ то, что по греческой ¹⁾ и арабской ²⁾ версіи рассказано о нѣсколькихъ безымянныхъ придворныхъ, грузинская относитъ къ

1) Migne, Patr. s. gr., XCVI, vita B. et Joas. стр. 6—18.

2) F. Hommel, Die ält. B.-V. стр. 26—30

Балавару, при чемъ она расходится съ ними и въ послѣдовательности передаваемыхъ событій:

По грузинской верси.	По греческой верси.	По мусульмано-арабской в.
	Смѣлая и успѣшная повѣдь христіанъ; царь язычникъ преслѣдуетъ ихъ (6—8).	Царь идолопоклонникъ преслѣдуетъ людей истинной вѣры.
Рожденіе сына у царя; предсказаніе астрологовъ; изгнаніе христіанъ.	Открывается, что одинъ изъ любимцевъ вельможъ (безъ обозначенія имени) принялъ христіанскую вѣру: царь изгоняетъ его (8—17).	Открывается, что одинъ изъ вельможъ (безъ обозначенія имени) сталъ подвижникомъ: царь изгоняетъ его (26—30).
Встрѣча царя съ двумя замѣшкавшимися божьими людьми.	Рожденіе сына у царя; предсказанія астрологовъ; изгнаніе христіанъ (18—21).	Рожденіе сына у царя; предсказанія астрологовъ (30).
Встрѣча Балавара съ пострадавшимъ отъ звѣря риторомъ, который за оказанное добро спасаетъ его отъ царскаго гнѣва.	Встрѣча одного вѣрующаго вельможи (безъ обозначенія имени) съ пострадавшимъ отъ звѣря «лѣкаремъ словъ», который за оказанное добро спасаетъ его отъ царскаго гнѣва (21—26).	Встрѣча одного вѣрующаго вельможи (безъ обозначенія имени) съ пострадавшимъ отъ звѣря человекомъ, который за оказанное добро спасаетъ его отъ царскаго гнѣва (30—31).
Открывается, что Балаваръ — христіанинъ: царь изгоняетъ его.	Встрѣча царя съ двумя замѣшкавшимися монахами (26—28).	Гоненіе подвижниковъ; встрѣча царя съ двумя замѣшкавшимися подвижниками (31—32).

Кромѣ того въ «Мудрости Балавара» нѣтъ ни вступительныхъ словъ, ни описанія Индіи, какъ это мы видимъ въ греческой верси. Наконецъ, личность самого царя-язычника въ грузинской верси обрисована съ болѣею симпатіею.

Такихъ уклоненій въ подробностяхъ великое множество, такъ: по грузинской верси индійскій царь встрѣчается съ двумя божьими людьми при осмотрѣ или посѣщеніи (მეზობლები) окрестностей города, по двумъ другимъ же версіямъ (греч.: 26, араб.: 31) встрѣча эта произошла на охотѣ; при этомъ по арабской верси (32) подвижники не укрылись во время потому, что не было у нихъ ни дорожной провизіи, ни *верховаго животнаго* (دابة); ни въ греческой (20), ни въ арабской (30) верси не названъ по имени воспитатель царевича, по грузинской же индійскій царь воспитаніе своего сына поручаетъ Зандану, который въ греческой повѣсти является гораздо позже подъ нѣсколькимъ измѣненнымъ именемъ Ζαρδάν: съ нимъ и бесѣдуетъ царевичъ Иодасафъ впослѣдствіи, когда, получивъ отъ отца разрѣшеніе на загородныя прогулки, онъ сталкивается съ увѣчнымъ, больнымъ и старикомъ; по греческой верси (150—151) Варлааму при встрѣчѣ съ Иодасафомъ семьдесятъ лѣтъ: въ пустынѣ подвизался онъ сорокъ пять лѣтъ, оставивъ

миръ двадцати пяти лѣтъ; по грузинской — Балаваръ удаллся въ пустыню сорока двухъ лѣтъ, подвизался восемнадцать лѣтъ и, слѣдовательно, Иодасафу предсталъ шестидесятилѣтнимъ старцемъ; только въ греческой версіи (167—168) передается, что Варлаамъ крестилъ Иодасафа и затѣмъ причастилъ его Святыхъ Тайнъ; по грузинской версіи царь Абенесъ, греч. Ἀβεννῆρ, отказывается приносить жертвы идоламъ въ языческій праздникъ, по греческой же (265) онъ приводитъ на закланіе сто двадцать быковъ и много другихъ животныхъ; о злыхъ духахъ (263) и магическихъ книгахъ (302) чародѣя Ѳевды ни слова нѣтъ въ грузинской версіи; по грузинской редакціи царь, прежде чѣмъ списаться съ царевичемъ о своемъ желаніи принять крещеніе, посылаетъ пословъ, и впослѣдствіи самъ отправляется къ нему, въ греческой же версіи (312—315) нѣтъ рѣчи о послахъ, и Иодасафъ не у себя крещаетъ отца, а въ его царствѣ, куда и ѣдетъ онъ съ этой цѣлью; по оставленіи Иодасафомъ царства до свиданія съ Балаваромъ, что имѣло мѣсто два года спустя, грузинская версія ничего не сообщаетъ о немъ, между тѣмъ въ греческой (337—345) подробно описывается посѣщеніе царственнымъ отшельникомъ хижины бѣдняка, подвижническая жизнь его за это время и, наконецъ, объясняется, какимъ путемъ добрался онъ до пещеры Варлаама.

Сложность разсказа въ греческой версіи сравнительно съ грузинской обнаруживается на каждомъ шагу при ихъ сличеніи. Удовольствуемся однимъ примѣромъ:

იყო მხლელბედად მათდა
კახი ერთი მძევართაგანი,
მოვიდა და დადგა გვამი იგი
ბაღვაწისათნა და წარვიდა
წინსჳ ბარქის მკოის და
მიუთხრა სჳქმე იგი, ხ იგი
წარვიდა ერთითა ეპისკო-
პოსითა და მღუდელთა, წარ-
მოიხვნა წმიდანს წაწილნი
იოდასაჲ და ბაღვაწისნი და
დაკრძალნა ლესქუმის შინს
ოქროსის და დიდითა პატრო-

Τὸ δὲ γε τίμιον αὐτοῦ σῶμα ἐκ γειτόνων αὐτῶν
τὰς οἰκήσεις ποιούμενός τις ἀνὴρ ἅγιος, ὃς καὶ τὴν
πρὸς Βαρλαάμ πορείαν ἐκείνῳ ποτὲ ὑπέδειξε, θεῖα
τινὶ μυθεῖς ἀποκαλύψει κατ' αὐτὴν τὴν ὥραν τῆς
τελειώσεως αὐτοῦ παραγίνεται, καὶ ὕμνοις ἱεροῖς
τιμήσας, δάκρυά τε κατασπείσας, σύμβολον τοῦ
πρὸς αὐτὸν πόθου, τᾶλλα δὲ τὰ νενομισμένα Χρι-
στιανοῖς πάντα τελέσας, ἐν τῷ τοῦ Πατρὸς ἔθετο
Βαρλαάμ μνήματι. Συνεῖναι γὰρ ἔδει τὰ σώματα
ὧν αἱ ψυχαὶ συνδιακονοῦν ἐμελλον ἀλλήλαις. Προ-
στάγματι δὲ τινος φοβερωτάτου κατ' ὄναρ κραταιῶς
ἐπισκήπτοντος πεισθεῖς, ὁ τοῦτον κηδεύσας ἀναχω-
ρητῆς τὰ βασιλεία καταλαμβάνει Ἰνδῶν, καὶ τῷ
βασίλει Βαραχίᾳ προσελθὼν πάντα αὐτῷ δῆλα τὰ
περὶ τοῦ Βαρλαάμ καὶ τοῦ μακαρίου τούτου τίθησιν
Ἰωάσαφ. Ὁ δὲ, μηδὲν μελλήσας, ἀπέργεται αὐτός

ონებოთა შესვენა და მს
ყელა ჯაშენა ეკვლისა სს
ხელსა ზელა მამისა ძისა და
სულისა წმიდისა, ზომლისა
აზნა დიდება უკუნითი უკუნი
სამდე ამინ, და ზომელნიცა
საწმუნებოთი მოვლენ, ვო
დრე დღეინდელად დღემდე
ყოველთაგან სენთა განიუგ
ნებოთა და ჩვენცა ვევედრეთ
ღმერთსა ზათა ღოტვითა მს
თითა ვინსნეთ სსუკუნეთა სს
ტანჯველთაგან და ვადიდებ
დეთ ღმერთსა, ზომლისა აზნა
დიდება და ჰსტივი და თაყვას
ნისცემა აწ და მარადისა და
უკუნითი უკუნისამდე ამინ.

ოდღისა მძღვრნი და ღათო
ზგუნა გველი ესე ზოზოტი
მადლოთა ერთ აზნისათა.

μετά δυνάμεως ὄχλου, καὶ τῷ σπηλαίῳ ἐφίσταται,
τὸ μνημῆα τε θεωρεῖ, καὶ, τοῦτῳ θερμότατα ἐπιδα-
κρύσας, αἶρει τὸ κάλυμμα. Καὶ ὁρᾷ τὸν τε Βαρλαάμ
καὶ τὸν Ἰωάσαφ ἔχοντας τὰ μέλη κατὰ σχῆμα κεί-
μενα, καὶ τὰ σώματα οὐδὲν τοῦ προτέρου χρωτὸς
παρὰλλάττοντα, ὁλόκληρα δὲ καὶ ἀκριβῶς ὑγιῇ σὺν
τοῖς ἐνδύμασι. Ταῦτα τοίνυν τὰ ἱερὰ τῶν ἁγίων
ψυχῶν σκηνώματα, πολλὴν ἐκπέμποντα τὴν εὐω-
δίαν καὶ οὐδὲν ὅλως ἀηδὲς ἐπιδεικνύμενα, θήκαις
ἐνθεῖς ὁ βασιλεὺς τιμίαις, εἰς τὴν ἑαυτοῦ πατρίδα
μετακομίζει.

Ὡς δὲ εἰς τὰς ἀκοὰς ἐπιπτε τοῦ λαοῦ τὸ γεγονός,
πλήθος ἀριθμοῦ κρεῖττον ἐκ πάντων τε τῶν πόλεων
καὶ τῶν περιχώρων εἰς προσκύνησιν καὶ θέαν
συνέρχοντο τῶν μακαρίων σωμάτων ἐκείνων. Ἐνθεν
τοὶ καὶ ὕμνους ἐπ' αὐτοῖς τοὺς ἱεροὺς ᾄσαντες, καὶ
λαμπάδας φιλοτίμως ἀνάψαντες (ἀκολούθως, ἂν τις
εἴπεν, ἐκεῖ καὶ λίαν οἰκείως τὰ φῶτα περὶ τοὺς τοῦ
φωτὸς υἱοὺς τε καὶ κληρονόμους), λαμπρῶς δὲ ὁμοῦ
καὶ μεγαλοπρεπῶς ἐν τῇ ἐξ αὐτῶν κρηπίδων παρὰ
τοῦ Ἰωάσαφ ἀνεγχερμένῃ κατέθεντο ἐκκλησίᾳ.
Πολλὰ δὲ θαύματα καὶ ἰάσεις ἦν τε τῇ μετακομιδῇ,
ἦν τε τῇ καταθέσει, καὶ ἐν τοῖς ἐξῆς χρόνοις διὰ
τῶν ὁσίων αὐτοῦ θεραπεόντων ἐποίησε Κύριος. Καὶ
εἶδεν ὁ βασιλεὺς τε Βαραχίας καὶ πᾶς ὁ ὄχλος τὰς
δι' αὐτῶν γενομένης δυνάμεις, καὶ πολλοὶ τῶν πέριξ
ἐθνῶν, ἀπιστίαν νοσοῦντες καὶ τοῦ Θεοῦ ἄγνοιαν,
διὰ τῶν γινομένων ἐν τῷ μνήματι σημείων ἐπίστευ-
σαν. Καὶ πάντες οἱ ὁρῶντές τε καὶ ἀκούοντες τὴν
ἀγγελομίμητον τοῦ Ἰωάσαφ πολιτείαν καὶ τὸν ἐξ
ἀπαλῶν ὀνύχων διάπυρον αὐτοῦ πρὸς τὸν Θεὸν
πόθον, ἐθαύμαζον δοξάζοντες ἐν πᾶσι τὸν Θεόν, τὸν
αἰετὶ συνεργοῦντα τοῖς ἀγαπῶσιν αὐτὸν καὶ μεγίσταις
τούτους ἀμειβόμενον δωρεαῖς.

Ἔως ὥδε τὸ πέρας τοῦ παρόντος λόγου, ὃν κατὰ
δύναμιν ἐμήν γεγράφηκα, καθὼς ἀκήκοα παρὰ τῶν
ἀφευδῶς παραδεδωκότων μοι τιμίῳ ἀνδρῶν. Γένοιτο
δὲ ἡμᾶς, τοὺς ἀναγινώσκοντάς τε καὶ ἀκούοντάς
τὴν ψυχωφελῆ διήγησιν ταύτην, τῆς μερίδος ἀξιω-

Θῆναι τῶν εὐαρεστησάντων τῷ Κυρίῳ εὐχαῖς καὶ
προσβείαις Βαρλαάμ τε καὶ Ἰωάσαφ τῶν μακαρίων,
περὶ ὧν ἡ διήγησις, ἐν Χριστῷ Ἰησοῦ τῷ Κυρίῳ
ἡμῶν, ᾧ πρέπει τιμὴ, κράτος, μεγαλωσύνη τε καὶ
μεγαλοπρέπεια, σὺν τῷ Πατρὶ καὶ τῷ ἁγίῳ Πνεύ-
ματι νῦν καὶ ἀεὶ, καὶ εἰς τοὺς αἰῶνας τῶν αἰῶνων.
Ἀμήν.

ПЕРЕВОДЪ.

Жилъ по близости ихъ [Балавара и Иодасафа] одинъ изъ пустынниковъ. Онъ пришелъ и положилъ тѣло [Иодасафа] рядомъ съ тѣломъ Балавара и, явившись къ царю Баракиѣ, рассказалъ ему о случившемся. Царь отправился съ однимъ епископомъ и священникомъ, взялъ святыя мощи Иодасафа и Балавара и схоронилъ въ золотой ракъ, которую украсилъ великолѣпно, а надъ ней выстроилъ церковь во имя Отца, Сына и Святаго Духа, Ему же слава во вѣки вѣковъ. Аминь.

Которые съ вѣрою приходятъ, и до сего дня исцѣляются отъ всякихъ бо-

Нѣкій святой, обитавшій по близости, который и дорогу показалъ когда то къ Варлааму, извѣщенный божественнымъ откровениемъ, присутствовалъ въ самый часъ кончины Иодасафа: онъ почтилъ его священными гимнами, пролилъ слезы въ знакъ любви къ нему и, совершивъ всѣ прочіе христіанскіе обряды, положилъ его честное тѣло въ гробницу Варлаама. Ибо надлежало быть вмѣстѣ тѣламъ тѣхъ, душамъ которыхъ предстояла совмѣстная вѣчная жизнь.

Но повинуясь приказанію какого то страшнаго мужа, настойчиво повелѣвавшаго во снѣ, отшельникъ, похоронившій Иодасафа, прибываетъ въ царство Индіи, является къ царю Баракиѣ и открываетъ все относительно блаженнаго Иодасафа. Тотъ же немедленно отправляется вмѣстѣ съ огромной толпой и достигаетъ пещеры: осматриваетъ гробницу и, проливъ надъ ней горячія слезы, снимаетъ покрывало. И видитъ, что члены Варлаама и Иодасафа обычно сложены, и тѣла ихъ въ облаченіяхъ нисколько не измѣнили цвѣта, непочаты и совершенно здоровы. Священные скинии святыхъ душъ чрезвычайно благоухали безъ всякихъ непріятныхъ признаковъ; царь полагаетъ ихъ въ прекрасную раку и переноситъ въ свое отечество.

Когда же до слуха народа доходитъ молва о случившемся, безчисленное множество стекается

лѣзней; будемъ же и мы просить Бога, чтобы ихъ молитвою мы спаслись отъ вѣчныхъ мукъ, и возвеличимъ Бога, Ему же слава, честь и поклоненіе нынѣ и присно и во вѣки вѣковъ. Аминь.

Пораженъ сильный и опранъ злой змѣй благодатью Единосушнаго.

изъ всѣхъ городовъ и окрестныхъ странъ посѣтить и поклониться тѣламъ блаженныхъ. Надъ ними пѣли священныя пѣсни и обильно возжигали лампы (послѣдовательно и кстати можно было сказать тамъ, что свѣтъ вокругъ сыновей и наслѣдниковъ свѣта). Ихъ положили съ блескомъ и великолѣпіемъ въ церкви, которая съ самаго основанія была построена Іоасафомъ. Господь совершилъ много чудесъ и исцѣленій черезъ благочестивыхъ своихъ слугъ при перенесеніи, погребеніи и впослѣдствіи. Царь Барахія и весь народъ увидѣли проявлявшіяся черезъ нихъ силы, и многіе изъ окрестныхъ народовъ, страдавшіе невѣріемъ и незнаніемъ Бога, увѣровали вслѣдствіе знаменій, творимыхъ при ихъ гробницѣ, а видѣвшіе и слышавшіе ангелоподобное житіе Іоасафа, отъ ранняго дѣтства горячее его стремленіе къ Богу, удивлялись всѣ, прославляя во всемъ Бога, Который всегда содѣйствуетъ любящимъ Его и награждаетъ ихъ великими дарами.

Здѣсь такимъ образомъ кончается настоящая повѣсть, которую посильно записалъ я такъ, какъ слышалъ отъ честныхъ мужей, передававшихъ мнѣ вѣрно. Удостойся же и мы, читатели и слушатели этой душеполезной исторіи, участи угодниковъ Господа молитвами и заступничествомъ Варлаама и Іоасафа, описанныхъ въ этой исторіи блаженныхъ, въ Іисусѣ Христѣ Господѣ нашемъ, Которому подобаешь честь, сила, величіе и великолѣпіе съ Отцомъ и Св. Духомъ нынѣ и присно и во вѣки вѣковъ. Аминь.

Особымъ элементомъ выдѣляются изъ повѣсти притчи. Въ сличаемыхъ версіяхъ число и порядокъ ихъ, равно редакція каждой въ отдѣльности, болѣе или менѣе различны. Представляю сравнительную таблицу притчъ по всѣмъ тремъ версіямъ:

грузинской,

греческой

и арабской.

I. Притча о благочестивомъ царѣ, состоящая изъ двухъ самостоятельныхъ частей:

- а) о трубѣ смерти и
б) о сундукахъ [безъ обозначенія числа].

II. Евангельская притча о сѣятелѣ.

III. Притча о человѣкѣ и слонѣ.

IV. Притча о трехъ друзьяхъ. [Третій другъ по арабской версiи—доброе дѣло, по греческой—совокупность добрыхъ дѣлъ, какъ то: вѣра, надежда, любовь, милосердіе, человеколюбіе и т. д., по грузинской — душа.]

V. Притча о чужеземномъ царѣ.

VI. Притча о царѣ-язычникѣ и вѣрующемъ совѣтникѣ.

VII. Притча о богачѣ, женившемся на бѣдной.

VIII. Притча о человѣкѣ и соловьѣ [по грузинской версiи третья заповѣдь — «не дѣлай другимъ зла, котораго не желаешь себѣ», по остальнымъ — «не вѣрь лжи»].

IX. Притча о козулѣ.

X. Притча объ юношѣ и его страстной женѣ.

XI. Притча о любви женщинъ.

I. ¹⁾ Евангельская притча о сѣятелѣ (39).

II. Притча о благочестивомъ царѣ, состоящая изъ двухъ самостоятельныхъ частей:

- а) о трубѣ смерти и
б) о четырехъ сундукахъ (41—44).

III. Евангельская притча о богачѣ и Лазарѣ (72).

IV. Евангельская притча о брачномъ пирѣ (72—73).

V. Евангельская притча о десяти дѣвахъ (73—74).

VI. Притча о птицеловѣ и соловьѣ (79—81).

VII. Евангельская притча о блудномъ сынѣ (95—96).

VIII. Евангельская притча объ одной потерянной овцѣ (96).

IX. Притча о человѣкѣ и единорогѣ (112—113).

X. Притча о человѣкѣ и трехъ его друзьяхъ (114—118).

XI. Притча о чужеземномъ царѣ (118—120).

XII. Сравненіе свѣта истины съ солнцемъ (130—131). [Это — VII притча арабской версiи.]

XIII. Притча о царѣ-язычникѣ и вѣрующемъ совѣтникѣ (135—138).

XIV. Притча о богачѣ, женившемся на бѣдной (139—143).

XV. Притча о козулѣ (157).

XVI. Притча о любви женщинъ (268—269).

I. Притча о благочестивомъ царѣ, состоящая изъ двухъ самостоятельныхъ частей:

- а) о трубѣ смерти и
б) о четырехъ сундукахъ (34—35).

II. Евангельская притча о сѣятелѣ (36).

III. Притча о слонѣ и человѣкѣ (36—37).

IV. Притча о человѣкѣ и трехъ его друзьяхъ (37—38).

V. Притча о чужеземномъ царѣ (38).

VI. Притча о птицѣ, уподобленной пророкамъ (41).

VII. Притча о солнцѣ сердецъ и солнцѣ глазъ (42).

VIII. Притча о царѣ и мудромъ визирѣ (43).

IX. Притча о пловцѣ и его товарищѣ (45).

X. Притча о воробьѣ и охотникѣ (46).

1) Первые четыре рассказа, выдѣленные въ изслѣдованіи Zotenberg'a (Notice etc. стр. 96—106) на ряду съ прочими параболами, представляютъ эпизодическое развитіе фабулы и нисколько не носятъ характера притчъ.

Для примѣра сличимъ одну изъ весьма популярныхъ притчъ по грузинской, греческой и арабской редакціи:

მსგავს არს საწუთო ესე კაცსა, რომელსა სდევდა სპილო ამრისებული და მიაწყვდია იგი ჭურღმულსა საშინელსა და იხილნა ხენი, რომელსა ზედა აღსდა, და იხილნა ორნი თავგანი ერთი შავი და ერთი თეთრი, რომელნი სჭრიდეს ძირთა მათ ხეთასა, რომელთა ზედა აღსრულ იყო კაცი იგი, და შთახედნა ჭურღმულსა და იხილნა ვეშაპნი, რომელთა აღდგომთ ჰიბი და ეგულვებდა შთანთქმა მისი, და აღიხილნა ზე და იხილა თავფლი მცირე, რომელი შთამოსდიოდა ხეთა მათ და იწყო ღოკა მისი და გვალად არღარა მოიხსენა განსცდელი, რომელსა შთავრდოა მიღ იყო.

ნ თავგთა ხენი იგი წარსჭრნეს, და კაცი იგი დაეცა, და სპილომან აღიტაცა და მიუტღო ვეშაპსა. აწ, ძეო მეფისაჲ, სპილო იგი სანე არს სიკვდილისა, რომელი სდევს ძეთა კაცთასა, და ხე იგი საწუთო არს, და თავგანი იგი დღენი და ღამენი, და თავფლი იგი საწუთოსა ამის სიტკბოება არს, და შეატყვევს კაცსა გემოს ენება საწუთოსა, დღენი და ღამენი აღსრულდებიან და სიკვდილი წარიტაცებს, და ჭოჭოხეთოს შინა ვეშაპი იგი შთანთქვამს, და ესე არს ცხოვრება კაცთა.

36—37: زعموا ان رجلا خرج في مغازة فبينما هو يسعى اذ حل عليه فيل مغنم * فهرب وتبعه الفيل فوجد بيرا فتدلى فيها * وتعلق بغصنين نابتين على حاقها * وثبت رجله على شئ في جانب البئر * فلما تبين الغصنين رأى عندهما جردين اسود وابيض * يقرضانهما دابيا * ونظر الى ما ثبت عليه قدماه فاذا هو باربغ افاعى * ونظر الى قعر البئر فاذا هو بتنين فاغرفاه * يريد التقامه ثم رفع راسه الى الغصنين فاذا في اعلاهما شئ من عسل النحل * فتطمع من ذلك العسل فالحاه ما وجده من حلاوة العسل عن الاهتيام بالغصنين الذين هو متعلق بهما * وقد رأى اسراع الجردين في قطعها * وبالحيّة الاربع التي اعتدت رجلاه عليهن * ولا يدري متى يحتاج به واحدة منهن * وبالتنين الغاغر فاه الذي لا يدري كيف مصيره عند وقوعه في لهوا ته * وبالتحل والزنابير التي تلذعه * عند اكله من ذلك العسل * فالبئر هي الدنيا المملوءة بلايا * والغصنان هما العمر * الجردان هما الليل والنهار * واسراعهما في قطع الغصنين هو اسراع الآيام والليالي في قطع العمر * ولافاعى هي الاخلاط الاربعة التي متى هاج احدها قتل * والتنين هو الموت الراسد * والتحل والزنابير هي المصايب والبلايا والعسل هو غرور الناس في الدنيا بقليل ما ينالونه فيها من لذّة العيش المزوج بالمحسن والمشقات * شبه العسل المزوج بلسع الزنابير والتحل.

111—113: Τοὺς μὲν οὖν τοιοῦτῳ δουλεύοντας ἀπηνεῖ καὶ πονηρῷ δεσπότη τοῦ ἀγαθοῦ καὶ φιλανθρώπου φρενωβλαβῶς ἑαυτοὺς μακρύνοντας, εἰς τὰ παρόντα δὲ κεχρηγότας πράγματα καὶ τούτοις προστετηκότας, μηδόλως τῶν μελλόντων λαμβάνοντας ἔννοιαν, καὶ εἰς μὲν τὰς σωματικὰς ἀπολαύσεις ἀδιαλείπτως ἐπειγομένους, τὰς δὲ ψυχὰς ἑῶντας λιμῷ κατατῆκεσθαι καὶ μυρίοις τάλαιπυρεῖσθαι κακοῖς, ὁμοίους εἶναι δοκῶ ἀνδρὶ φεύγοντι ἀπὸ προσώπου μαινομένου μονοκέρωτος, ὅς, μὴ φέρων τὸν ἦχον τῆς αὐτοῦ βοῆς καὶ τὸν φοβερόν αὐτοῦ μυκηθμὸν, ἀλλ' ἰσχυρῶς ἀποδιδράσκων τοῦ μὴ γενέσθαι τούτου κατάβρωμα, ἐν τῷ τρέχειν αὐτὸν ὀξέως μεγάλῳ τινὶ περιπέπτωκε βόθρῳ· ἐν δὲ τῷ ἐμπίπτειν αὐτῷ, τὰς χεῖρας ἐκτείνας, καὶ φυτοῦ τιнос δρασάμενος, κραταιῶς τοῦτο κατέσχε, καὶ ἐπὶ βάσειός τινος τοὺς πόδας στηρίζας, ἔδοξεν ἐν εἰρήνῃ λοιπὸν εἶναι καὶ ἀσφαλεῖα. Βλέψας δὲ ὀρᾷ δύο μῦας, λευκὸν μὲν τὸν ἕνα, μέλανα δὲ τὸν ἕτερον, διεσθίνοντας ἀπαύστως τὴν ρίζαν τοῦ φυτοῦ, οὗ ἦν ἐξηρτημένος, καὶ ὅσον οὐπῶ ἐγγίζοντας ταύτην ἐκτεμεῖν. Κατανοήσας δὲ τὸν πυθμένα τοῦ βόθρου, δράκοντα εἶδε φοβερόν τῇ θέᾳ, πῦρ πνέοντα καὶ δριμύτατα βλοσιροῦντα, τὸ στόμα τε δεινῶς περιχάσκοντα καὶ καταπιεῖν αὐτὸν ἐπειγόμενον. Ἀντενίσας δὲ αὐθὺς τῇ βάσει ἐκείνῃ, ἐφ' ἣ τοὺς πόδας εἶχεν ἐρηρσιζόμενος, τέσσαράς εἶδε κεφαλὰς ἀσπίδων τοῦ τοίχου προβεβληκυίας, ἐφ' οὗ ἐπεστήρικτο. Ἀναβλέψας δὲ τοὺς ὀφθαλμοὺς, ὀρᾷ ἐκ τῶν κλάδων τοῦ φυτοῦ ἐκείνου μικρὸν ἀποστάζον μέλι. Ἐάσας οὖν διασκέψασθαι περὶ τῶν περιεχουσῶν αὐτῷ συμφορῶν, ὅπως ἔξωθεν μὲν ὁ μονοκέρως δεινῶς ἐκμανεῖς ζητεῖ τοῦτον καταφαγεῖν, ἀάτωθεν δὲ ὁ πικρὸς δράκων κέχνηε καταπιεῖν, τὸ δὲ φυτὸν ὁ περιεδέδρακτο ὅσον οὐπῶ ἐκκόπτεσθαι ἔμελλε, τοὺς τε πόδας ἐπ' ὀλισθηρᾷ καὶ ἀπίστῳ βάσει ἐπεστήρικτο· τῶν τοσούτων οὖν καὶ τοιούτων φρικτῶν θεαμάτων ἀλογίστως ἐπιλαθόμενος, ὀλῳ νοὶ μέλιτος ἐκείνου τοῦ μικροῦ γέγονε τῆς ἡδύτητος ἐκκρεμῆς.

Αὕτη ἡ ὁμοίωσις τῶν τῇ ἀπάτῃ τοῦ παρόντος προστετηκότων βίου, ἥσπερ τὴν σαφήνειαν αὐτίκα λέξω σοι. Ὁ μὲν μονοκέρως τύπος ἂν εἴη τοῦ θανάτου, τοῦ διώκοντος αἰεὶ καὶ καταλαβεῖν ἐπειγομένου τὸ Ἀδαμιαῖον γένος· ὁ δὲ βόθρος ὁ κόσμος ἐστὶ πλήρης ὑπάρχων παντοίων κακῶν καὶ θανατηφόρων παγίδων· τὸ φυτὸν δὲ τὸ ὑπὸ τῶν δύο μυῶν ἀπαύστως συγκοπτόμενον, ὁ περιεδέδρακτο, ὁ διαυλος ὑπάρχει τῆς ἐκάστου ζωῆς, ὁ δαπανώμενος καὶ ἀναλίσκόμενος διὰ τῶν ὥρων τοῦ ἡμερονυκτίου καὶ τῇ ἐκτομῇ κατὰ μικρὸν προσεγγίζων· αἱ δὲ τέσσαρες ἀσπίδες τὴν ἐπὶ τεσσάρων σφαλερῶν καὶ ἀστάτων στοιχείων σύστασιν τοῦ ἀνθρωπίου σώματος αἰνίττονται, ὧν ἀτακτούντων καὶ ταραττομένων ἡ τοῦ σώματος καταλύεται σύστασις. Πρὸς τούτοις καὶ ὁ πυρώδης ἐκεῖνος καὶ ἀπηνὴς δράκων τὴν φοβεράν εἰκονίζει τοῦ ἄδου γαστέρα, τὴν μαιμάσσουσαν ὑποδέξασθαι τοὺς τὰ παρόντα τερπνὰ τῶν μελλόντων ἀγαθῶν προκρίνοντας. Ὁ δὲ τοῦ μέλιτος σταλαγμὸς τὴν γλυκύτητα ἐμφαίνει τῶν τοῦ κόσμου ἡδέων, δι' ἧς ἐκεῖνος ἀπατῶν τοὺς ἑαυτοῦ φίλους, οὐκ ἔξ τῆς σφῶν προνοήσασθαι σωτηρίας.

ПЕРЕВОДЫ

Съ грузинскаго:

Этотъ міръ походитъ на то, какъ
человѣка преслѣдовалъ бѣшеный
слонъ, и загналъ его въ страшный ко-
лодець, гдѣ онъ увидѣлъ деревья, на
которыя и взлѣзъ; увидѣлъ также
двухъ мышей, одну — черную, дру-
гую — бѣлую: онѣ грызли корни де-
ревьевъ, на которыя онъ уже взошелъ;
посмотрѣлъ внизъ въ колодець, и
увидѣлъ змѣй, которыя раскрыли
пасть въ намѣреніи поглотить его;
посмотрѣлъ вверхъ, и увидѣлъ немного
меду, капавшаго съ деревьевъ, и на-
чалъ облизывать его и болѣе не вспо-
минилъ объ опасности, въ которую онъ
попалъ. Между тѣмъ мыши перегрыз-
ли деревья; человѣкъ упалъ, а слонъ,
схвативъ, бросилъ его змѣѣ. Такъ,
царевичъ, слонъ есть образъ смерти,
которая преслѣдуетъ родъ людской,
дерево есть міръ, мыши — дни и ночи,

Съ арабскаго:

Передаютъ, что нѣкій мужъ вы-
шелъ въ пустыню, и пока онъ спѣ-
шилъ, на него напустился бѣшеный
слонъ: тотъ бѣжалъ, а слонъ преслѣ-
довалъ его. Мужъ набрелъ на коло-
дець и спустился въ него: прицѣпив-
шись къ двумъ вѣтвямъ, растущимъ
на краю, ноги свои онъ утвердилъ на
чемъ то въ стѣнѣ колодца. Когда
осмотрѣлъ двѣ вѣтви, онъ увидѣлъ
около нихъ двухъ мышей, черную и
бѣлую, которыя грызли ихъ непре-
рывно; взглянулъ туда, гдѣ онъ утвер-
дилъ ноги, и увидѣлъ четыре змѣи;
взглянулъ на дно колодца, и увидѣлъ
дракона, раззѣвающего пасть въ на-
мѣреніи пожрать его. Затѣмъ онъ под-
нялъ голову по направленію къ двумъ
вѣтвямъ, и увидѣлъ на оконечностяхъ
ихъ немного меду отъ пчелъ, и сла-
дость, найденная имъ въ медѣ, отвле-
кла его вниманіе отъ заботы о двухъ
вѣтвяхъ, за которыя уцѣпился, хотя
онъ видѣлъ, что двѣ мыши спѣшатъ
перегрызть ихъ; о четырехъ змѣяхъ,
надъ которыми у него опирались ноги,
и онъ не зналъ, когда какая либо изъ
нихъ поднимется на него; о драконѣ,
раззѣвающимъ свою пасть, хотя онъ

и медъ есть сладость этого міра. Дни и ночи исполнятся, смерть похитить, и змѣя поглотить въ аду, и это есть жизнь людей.

не зная, что станеть съ нимъ при паденіи въ его пасть, и о пчелахъ и осахъ, которыя жалили его, когда онъ ѣлъ меду.

Колодець — это міръ, полный бѣдствій; двѣ вѣтви — жизнь; двѣ мыши — ночь и день: поспѣшность ихъ урѣзать двѣ вѣтви — это поспѣшность дней и ночей урѣзать жизнь; змѣи же — это четыре стихіи [человѣческаго темперамента]: когда возбуждается какая либо изъ нихъ, убиваетъ; драконъ — это смерть подстерегающая; пчелы и осы — это несчастія и бѣдствія, а медъ есть прельщеніе людей въ мірѣ той малой сладостью наслажденія, которую они находятъ въ немъ въ соединеніи съ бѣдствіями и злополучіями, подобно меду въ соединеніи съ ужаленіемъ осы и пчелы.

Съ иреческаго:

Служащіе этому жестокому и злому господину, безумно удаляющіеся отъ добраго и человѣколюбиваго, присташіе къ настоящему и предавшіеся ему, никогда не размышляющіе о будущемъ, непрерывно погружающіеся въ плотскія удовольствія, души же оставляющіе томиться голодомъ и страдать отъ тысячъ бѣдствій, по моему мнѣнію, подобны мужу, бѣжавшему отъ лица бѣшеннаго *единорога*: не терпя его крика и страшнаго рева, онъ усиленно бѣжалъ, чтобы не сдѣлаться добычею его, и во время быстрого бѣга упалъ въ одну большую яму; при паденіи же протянулъ руки, схватилъ какое то дерево и крѣпко держался за него и, утвердившись ногами на какой то опорѣ, счелъ себя въ покой и безопасности. Но, осмотрѣвшись, увидѣлъ двухъ мышей, одну — бѣлую, другую — черную, непрерывно грызшихъ корень дерева, за которое онъ держался, и онѣ были уже близки

перегрызть его. Взглянувъ на дно ямы, онъ увидѣлъ огнедышащаго дракона, страшнаго на видъ, яростно смотрѣвшаго вверхъ съ раскрытой пастью, въ намѣреніи пожрать его. Взглянувъ на опору, на которой у него были утверждены ноги, увидѣлъ четыре змѣиныя головы, высывавшіяся изъ стѣны, за которую онъ держался. Поднявъ же глаза, онъ видитъ, что изъ вѣтвей дерева капаетъ немного меду. И такъ, переставъ размышлять объ обступающихъ его опасностяхъ, именно, что извнѣ страшно бѣшеный единорогъ стремился пожрать, внизу же ужасный драконъ раскрылъ пасть, чтобы поглотить его, а дерево, за которое онъ ухватился, скорѣ должно было быть перегрызено, ноги же стояли на скользкомъ и невѣрномъ основаніи, — и такъ, забывъ о столькихъ и столь страшныхъ опасностяхъ, всѣми мыслями привязался къ сладости этого незначительнаго меда.

Это есть подобіе людей, предающихся обману настоящей жизни; смыслъ его я сейчасъ объясню тебѣ. Единорогъ — изображеніе смерти, постоянно преслѣдующей и стремящейся захватить родъ Адама; яма же есть міръ, состоящій изъ всякаго рода золъ и смертоносныхъ стѣй. Подгрызаемое непрерывно двумя мышами дерево, за которое ухватился человѣкъ, есть періодъ жизни каждаго, растрчиваемый и расходуемый часами дня и ночи и понемногу приближающійся къ перерыву. Четыре змѣи означаютъ соединеніе четырехъ слабыхъ и непрочныхъ стихій человѣческаго тѣла, при безпорядкѣ и возмущеніи которыхъ рушится связь тѣла. При этомъ грозный огнедышашій драконъ изображаетъ страшное чрево ада, готовое принять тѣхъ, которые предпочитаютъ настоящія удовольствія будущимъ благамъ. Капелька же меду означаетъ сладость наслажденій міра: ею онъ прельщаетъ своихъ друзей и не допускаетъ ихъ заботиться о спасеніи.

Въ грузинской версіи мы находимъ еще разсказецъ, котораго нѣтъ ни въ греческой, ни въ арабской. Царь Абенесъ, греч. Ἀβεννῆρ, проситъ языческаго мудреца Тедму, греч. Θεδοῦς, помочь ему въ спорѣ съ царевичемъ, только въ такомъ случаѣ соглашаясь приносить жертвы идоламъ, и приводитъ притчу объ юношѣ и его страстной женѣ:

«მსკავს არს სჳქმე შენი და ჩემი, რომელსა ესვს ცოლი ქმნულკეთილი და ეშინოდს, ნუ უგვე ვერ მოთმინე იქმნას და შთავარდეს ჭაბუკის მის სიძესსა, ამისთჳს ამცნო და ჭრქჳს ცოლსა თჳსსა: «უკეთუ გწადდეს და ვერ წინააღუდგებოდდე კორცსა შენსა, მოუტეობდი თმათა თავისა შენისათა. ვიხილნე რა იგიინი, მე ვყო ნება შენი, და შენ არა შთავარდე ცოლსასა». და დღეს ერთსა მოიწივნეს

მტერნი და ხმა უყო, ს ჭაბუკი იგი შეეკანმა, რათა განვიდეს ბრძოლად, ს იხილა რა ცოლმან მისმან, ერთგულად და მუის გარდმოუტევნა თმანი, და ვითარცა იხილა რა სსწაული, რომელი ემცნო, მოიქცა და აღასრულა ნება ცოლისა თჳსისა, ს ვითარცა განვიდა მდეგრად, მტერნი იგი სხვათა ეოტნეს და მოქცეულ იყვნეს, ს ჭაბუკს მას აუყვდრეს გვიანად განსვლაჲ. ს მან ჭკჭკუ: «მე მტერ საკუთარი მეყო, იგი განვსდევნე და პირველ მას მივე პასუხი და აწ აქა მოვალ».

— აწ, თედმა, რომელი მე ფად მელმის, იგი განმიგურნე, და მერმე, თუ მით განვისყენო, მაშინ აღვასრულო მსახურება კერპთა».

ПЕРЕВОДЪ.

«Наше дѣло походить [на дѣло того челоѣка], у котораго была прекрасная жена; боясь, чтобы жена не согрѣшила передъ нимъ отъ нетерпѣнія, онъ заповѣдалъ ей слѣдующее: «Если почувствуешь страсть и не будешь въ состояніи противостоять своей плоти, отпусти волосы своей головы: видя ихъ, я исполню твое желаніе, и ты не впадешь въ грѣхъ». Однажды напали враги, и поднялся крикъ; юноша вооружился, чтобы идти на бой, но вдругъ, при видѣ мужа, жена, воспылавъ страстью къ нему, отпустила волосы; онъ замѣтилъ условленный знакъ и, возвратившись, исполнилъ желаніе своей жены, а когда выступилъ въ качествѣ преслѣдователя, враги уже были обращены въ бѣгство другими, которые возвращались: они укоряли юношу въ томъ, что выступилъ поздно. Онъ же сказалъ: «Со мною сразился домашній ¹⁾ врагъ: я его прогналъ; сначала съ нимъ я рассчитался, а теперь иду сюда.»

— Такъ излѣчи, Тедма, то, что сильно болитъ у меня, и затѣмъ, если освобожусь отъ той боли, буду служить идоламъ.»

1) საკუთარი, собственный.

Въ «Мудрости Балавара» значеніе и мѣсто притчъ¹⁾ строго опредѣляется само по себѣ поучительнымъ планомъ проповѣди отшельника. Балаваръ при первомъ же свиданіи говоритъ Іодасафу, что, раньше чѣмъ открыть чудесную жемчужину т. е. слово Истины, онъ намѣренъ испытать его. Испытаніе царевича и начинается проповѣдникъ притчами, и сначала довольствуется простымъ ихъ толкованіемъ, подготовивъ же слушателя рядомъ иносказаній, онъ рѣшается знакомить его съ началами истинной вѣры, но еще все же не отъ себя, а устами мудраго совѣтника, выводимаго въ притчѣ, въ шестой по порядку; только убѣдившись въ полной подготовленности Іодасафа, только тогда, когда царевичъ заявляетъ о своей готовности, по примѣру царя, представленнаго въ той же шестой притчѣ, немедленно принять истинную вѣру, въ параболѣхъ начинается замѣтно выступать догматическій и наставительный элементъ, и, наконецъ, Балаваръ открыто проповѣдуетъ Іодасафу христіанское ученіе. Между тѣмъ въ арабской версіи, гдѣ иносказательный элементъ преобладаетъ количественно, а также въ греческой, гдѣ онъ теряется въ массѣ разсужденій, притчи занимаютъ случайное мѣсто и лишены того подготовительнаго значенія, которое дается имъ въ проповѣди подвижника по грузинской редакціи.

Разсужденія догматическаго и аскетическаго характера, почти отсутствующія въ арабской, незначительныя и краткія въ грузинской, въ греческой версіи получаютъ широкое развитіе. При сопоставленіи съ этой стороны повѣсти о Варлаамѣ и Іодасафѣ на всѣхъ трехъ языкахъ, значеніе арабской версіи умалется до ничтожества, и приходится имѣть дѣло главнымъ образомъ съ греческой и грузинской редакціями. Сличеніе же послѣднихъ обнаруживаетъ, что слѣдующіе пункты составляютъ исключительную принадлежность греческой повѣсти о Варлаамѣ и Іодасафѣ: исторія Ветхаго и Новаго Завѣта, въ двухъ мѣстахъ (45—56 и 180—181); доказываніе божественной силы христіанства тѣмъ, что оно усилилось и распространилось при посредствѣ небольшого числа безвѣстныхъ людей (293—296); сопоставленіе Новозавѣтнаго Закона съ Закономъ Моисеевымъ, заимствованное изъ нагорной проповѣди Спасителя, и слѣдующіе за нимъ стихи изъ разныхъ главъ Евангелія Матвея, отчасти Луки (90—92), какъ и всѣ вообще цитаты, которыя во многихъ мѣстахъ повѣсти, дѣйствительно, образуютъ *мозаику рченій*, взятыхъ изъ Св. Писанія и Отцевъ Церкви; обстоятельное изложеніе ученія о Троицѣ и другихъ догматовъ православной церкви, равно ученія о почитаніи иконъ, въ нѣсколькихъ мѣстахъ

1) Говоря это, я имѣю въ виду притчи Варлаама: притчъ отъ другихъ лицъ только двѣ, а по греческой — одна.

(44, 166—167, 253—254 и 290—292); разсужденіе о свободной волѣ и свободномъ выборѣ (131—133); разъясненіе Таинствъ Крещенія (58—59 и 88—89) и Причащенія (165—166); слово о покаяніи (93—94) и милостынѣ (126—127); трактатъ о мученикахъ и исповѣдникахъ (100—101), болѣе подробный — о подвижникахъ, скитникахъ и обительныхъ монахахъ (102—108); доказательства древности подвижничества, какъ христіанскаго учрежденія (128); описаніе будущихъ наградъ и наказаній (229—232); перечисленіе разныхъ языческихъ религій и опроверженіе каждой изъ нихъ (240—251); опроверженіе вообще идолопоклонства (286—289); опроверженіе языческихъ философовъ и поэтовъ (297—299); опроверженіе іудаизма (252), и выходка общаго характера противъ ересей (134 и 167). Но и въ тѣхъ случаяхъ, когда какая либо догматическая или аскетическая тема — обща обѣимъ версіямъ, греческая редакція большею частью отличается отъ грузинской: отличаетъ ее обстоятельность въ разработкѣ темы и подчасъ просто риторизмъ. Для примѣра приведу два мѣста изъ проповѣди Варлаама, одно — о существованіи Бога, другое — о пищѣ отшельниковъ, параллельно изъ грузинской и греческой версій, кстати и арабской, въ которой также обсуждаются оба эти вопроса:

I. Доказательства существованія Бога

по грузинской, греческой и арабской версии.

რამეთუ იხილო ჭერჭელი რამე შექმნილი, დაღა-
თუმცა მოქმედი არა ნახე. სწამეტა, ვითარმედ უფის
შემოქმედი, და ეგრედცა ნაშენები რა იხილო, და
ღათუ მასშენებელი ვერ იხილო, არამედ გონება ამ-
ტგიცებს, ვითარმედ ჭუაფს მას მასშენებელი, ხოლო
რახამ ვიხილე თავი ჩემი, განვიცადე ატეხულება
ჩემი, ვსცან, რა მივის შემოქმედი, და ვითარცა
ენება, დაზბადა და გამომხატა თვინიერ კითხვის
ჩემისა. და უკეთუმცა მე ვიყავ დაზბადებული თავის
ჩემისა, შემეტყრცა ვჭეფ თავი ჩემი სიმშვენიერთა
და სისრულთა, რა რომელმან დაზბადა მეუ მე რომე-
ლთამე უდარეს და რომელთამე უდარეს, რა გულის-
ხმა ვჭეფ ესტეტა, რა განმიყვანებს ამის ცხოვრებისაგან
თვინიერ კითხვის ჩემისა და ვითარ გულის ხმა ვჭეფ
და ვსცან საქმე ცხოვრებისა ჩვენისა, ვითარმედ
ვერცა შემძლებელ ვართ შემატებად გინა დაკლებად
ჭასისა და ვერცა განახლებად დაძველებულისა და
ვერცა კვალად შედგომად თუ რამე მოვარდეს ასო-
თაგან და ვერცა შეიძლეს ესე მეფეთა და ვერცა მარ-
ჯვეთა (?) და ვერცა ბრძენთა და ვერცა ძლიერთა,
და მერმე ვხედავ შემოსვლას დამისასა შემდგომად
დღისა და ქტევასა სმეაროთასა და ამით გამოვიცან,
რამეთუ ყოველთა უფის დაზბადებული და არა მსგავს
დაზბადებულთა და, უკეთუმცა მსგავს იყო მათსა, მის
ზედცა მოიწეოდა, რომელნი მოიწევიან დაზბა-
ბულთა ზა, რა ვითარცა სოქმეს, იქმნების, და ღდეს
ინებოს, აღსრულდების მუის, და კვალად აღადგენს,
ვითარცა პირველ იუვენეს, რა ბრძანება მისი უკანკვე-
თელეს არს მახვილისა ორპირისა და უმაღლეს არს
მკამკამებელსა ელვისასა, და ენებოს თუ განქარვებს
და კვალად მოატებს ყოველსავე, და გურთხეულ არს
და დიდებულ სახელი მისი უკუნიითი უკუნისამდე.
ამი .

47, 8—12: *ألا ترى أنك إذا رايت صناعة لعرفت أن لها صانعا * وإن كان عنك غائبًا * فكذلك تعرفه بما تراه من هذه المصنوعات * السماء و الارض * والشمس والقمر * والكواكب و دوران الافلاك * و جرى الماء * وحركة الريح * والنار * وتدير سائر المخلوقات ان لها خالفا وقادرا حكيما وهو العلي العظيم **

145—147: Καθάπερ γάρ τις, οἰκίαν ἰδὼν λαμπρῶς καὶ ἐντέχνως κα-
τεσκευασμένην ἢ σκεῦος εὐφυῶς συνηρμισμένον, τὸν οἰκοδόμον ἢ τέκτονα

εὐθύς ἄν ἐννοήσας θαυμάσειεν, οὕτω καὶ γὰρ, ἐκ μὴ ὄντων διαπλασθεὶς καὶ εἰς τὸ ὄν παραχθεὶς, εἰ καὶ τὸν πλάστην καὶ παροχέα θεάσασθαι οὐ δεδύνημαι, ἀλλ' ἐκ τῆς εὐαρμόστου καὶ θαυμασιωτάτης μου κατασκευῆς εἰς γινώσιν ἦλθον τῆς αὐτοῦ σοφίας, οὐ καδ' ὅ τί ἐστίν, ἀλλὰ κατὰ δεδύνημαι νοεῖν, ὅτι οὐκ αὐτομάτως παρήχθη, οὐδὲ ἀφ' ἑαυτοῦ γεγένημαι, ἀλλ' αὐτὸς ἐπλασέ με καθὼς ἡβουλήθη, πάντων μὲν προκατάρχειν τάξας τῶν κτισμάτων, τινῶν δὲ καὶ ἐλαττώσας, καὶ συντριβέντα πάλιν κρείττονι ἀνακαινίζει ἀναπλάσας, εἴτα καὶ ὑπεξάγων τῶν ἐντεῦθεν τῷ θείῳ αὐτοῦ προστάγματι καὶ πρὸς ἑτέραν μετατιθεὶς βιοτὴν ἀτελεύτητον καὶ αἰώνιον, ἐν οὐδενὶ τούτων δυναμένου μου ἀνθίστασθαι τῇ ἰσχύϊ τῆς αὐτοῦ προνοίας, μήτε τι προστιθέναι ἑμαυτῷ μήτε ὑφαίρειν, εἴτε καδ' ἡλικίαν εἴτε κατὰ τὸ τῆς μορφῆς εἶδος, μήτε τὰ πεπαλαιωμένα μοι ἀνακαινίζειν ἐξισχύσαι, μήτε τὰ διεφθαρμένα ἐπανορθοῦν. Οὐδεὶς γὰρ τῶν ἀνθρώπων τούτων τι ἰσχυρὸς ποτε κατεργάσασθαι, οὔτε βασιλεὺς, οὔτε σοφός, οὔτε πλούσιος, οὔτε δυνάστης, οὔτε τις ἄλλος ἀνθρώπινα μετερχόμενος ἐπιτηδεύματα. Οὐδεὶς γὰρ, φησί, βασιλέων ἢ τῶν ἐν ὑπεροχαῖς ὄντων ἑτέραν ἔσχε γενέσεως ἀρχήν, μία δὲ πάντων εἰσόδος εἰς τὸν βίον, ἐξόδός τε ἴση.

Ἐκ τούτων οὖν τῶν περὶ ἐμὲ εἰς γινώσιν τῆς τοῦ Δημιουργοῦ μεγαλουργίας χειραγωγοῦμαι· σὺν τούτοις δὲ καὶ τὴν εὐάρμοστον κατασκευὴν καὶ συντήρησιν τῆς κτίσεως ἀπάσης ἐννοῶν, ὅτι αὐτὰ μὲν καδ' ἑαυτὰ τροπῇ ὑπόκεινται πάντα καὶ ἀλλοιῶσει, τὰ μὲν νοητὰ κατὰ προαίρεσιν, τὴν τε ἐν τῷ καλῷ προκοπὴν καὶ τὴν ἐκ τοῦ καλοῦ ἀποφοίτησιν, τὰ δὲ αἰσθητὰ κατὰ γένεσιν καὶ φθοράν, αὐξήσιν τε καὶ μείωσιν, καὶ τὴν κατὰ ποιότητα μεταβολὴν καὶ τοπικὴν κίνησιν, καὶ ἐκ τούτων κηρύττουσι φωναῖς ἀλαλήτοις ὑπὸ τοῦ ἀκτίστου καὶ ἀτρέπτου καὶ ἀναλλοιώτου γεγενῆσθαι Θεοῦ, συνέχεσθαι τε καὶ συντηρεῖσθαι, καὶ αἰεὶ προνοεῖσθαι. Πῶς γὰρ ἂν αἱ ἐναντία φύσεις εἰς ἑνὸς κόσμου συμπλήρωσιν ἀλλήλαις συνεληλύθεισαν καὶ ἀδιάλυτοι μεμενήκεισαν, εἰ μὴ τις παντοδύναμος δύναμις ταῦτα συνεβίβασε καὶ αἰεὶ συνετήρει ἀδιάλυτα; πῶς γὰρ ἔμεινεν ἂν τι, εἰ μὴ αὐτὸς ἠθέλησεν; ἢ τὸ μὴ κληθὲν ὑπ' αὐτοῦ πῶς ἂν διετηρήθη; φησὶν ἡ Γραφή.

Εἰ γὰρ πλοῖον ἀκυβέρνητον οὐ συνίσταται, ἀλλ' εὐκόλως καταποντίζεται, καὶ οἰκία μικρὰ οὐκ ἂν στή χωρὶς τοῦ προνοούντος, πῶς ἂν ὁ κόσμος ἐπὶ τοσούτων χρόνων συνέστη, δημιουργημα οὕτω μὲν μέγα, οὕτω δὲ καλὸν καὶ θαυμαστὸν, ἄνευ ἐνδόξου τινὸς καὶ μεγάλης καὶ θαυμαστῆς διακυβερνήσεως καὶ πανσόφου προνοίας; Ἰδοὺ γὰρ ὁ οὐρανὸς πόσον ἔχει χρόνον, καὶ οὐκ ἡμαυρώθη· τῆς γῆς ἡ δύναμις οὐκ ἠτόνησε, τοσοῦτον τίκτουσα χρόνον· αἱ πηγαὶ οὐκ ἐπέλιπον ἀναβλύζειν ἐξ οὗ γεγόνασιν· ἡ θάλασσα, τοσοῦτους δεχομένη ποταμούς, οὐχ ὑπερέβη τὸ μέτρον· οἱ ὁδοὶ τοῦ ἡλίου καὶ τῆς σελήνης οὐκ ἡλλοίωνται· αἱ τάξεις τῆς ἡμέρας καὶ τῆς νυκτὸς οὐ μετετρέπησαν. Ἐκ τούτων πάντων ἡ ἄφατος τοῦ Θεοῦ δύναμις καὶ μεγαλοπρέπεια ἡμῖν ἐμφανίζεται, μαρτυρουμένη ὑπὸ προφητῶν καὶ ἀποστόλων.

II. Пища отшельниковъ

по грузинской, греческой и арабской версiи.

ტყეა იოღასთ: «მიოხარ, თუ სხარ
დელი თქვენი რა არს, რომელთა სცხა
გრებთ უდაბნოთა მათ შინა?» მიუგო:
«ბაღასთაგან ქვეყანისა ვიზრდებოთ, წ
ოდეს მოგვაკლდებიან მივიღებთ ძმთა-
გან ჩვენთა მოწმუნეთა».

49, 3: قال ما طعامك من اى شى
قال من نباتها وبقولها * مما لا ملك لاحد
فيه * فاما ان يكون لنا بساتين او زرع
او بقر او غنم فلا.

154: .. φησὶν ὁ Ἰωάσαφ... Τίς δέ σου καὶ τῶν σὺν σοὶ ἐν τῇ τριαύτῃ
ἐρήμῳ ἢ διατροφῇ. .. γνώρισόν μοι φιλαλήθως.

‘Ο δὲ Βαρλαάμ φησὶν· Ἡ μὲν διατροφή ἐκ τῶν εὐρισκομένων ἐστὶν ἀχρο-
δρύων καὶ βοτανῶν ὧν ἡ ἔρημος τρέφει, ὁρόσῳ ποτιζομένη οὐρανίῳ καὶ τῇ
προστάξει τοῦ Δημιουργοῦ εἴκουσα, ἐφ’ οἷς οὐδεὶς ἐστὶν ὁ μαχόμενος ἡμῖν καὶ
φιλονεικῶν καὶ τὸ πλεον ζητῶν ἀρπάζειν τῷ τῆς πλεονεξίας ὄρῳ τε καὶ λόγῳ·
ἀλλ’ ἀφθόνωσ πάσι πρόκειται ἀνήροτος τροφή καὶ αὐτοσχέδιος τράπεζα. Εἰ δέ
ποτε καὶ τῶν πλησιαζόντων τις πιστῶν ἀδελφῶν ἄρτου ἐνέγκῃ εὐλογίαν, ὥς
παρὰ τῆς προνοίας πεμφθέντα δεχόμεθα τοῦτον ἐπ’ εὐλογίᾳ τῶν πιστῶς προ-
σενεχόντων.

ПЕРЕВОДЫ.

I.

Съ грузинскаго:

Когда замѣчаешь какой либо рукотворный со-
судъ, хотя и не видишь творца, все же вѣришь,
что у него есть творецъ; равнымъ образомъ,
когда замѣчаешь постройку, хотя и не видишь
строителя, однако умъ доказываетъ, что у нея
есть строитель, такъ, когда я увидѣлъ и раз-
смотрѣлъ свое строенiе, понялъ, что у меня есть
Творецъ, Который создалъ меня, какъ Онъ же-
лалъ, и далъ мнѣ образъ, не спросившись меня:
если же я былъ бы создатель свой, я сдѣлалъ бы
себя съ большею красотою и совершенствомъ,
а Создавшiй меня сдѣлалъ меня ниже однихъ и
выше другихъ. Но понялъ я и то, что Онъ уве-
детъ меня изъ этой жизни, не спросившись
меня, и какъ я понялъ это и уразумѣлъ сущность

Съ арабскаго:

Развѣ не замѣчаешь, что,
когда видишь какое либо
произведенiе, ты сознаешь,
что у него есть производи-
тель, хотя онъ и скрытъ
отъ тебя. Равнымъ обра-
зомъ ты познаешь Его изъ
творенiй, которыя ты ви-
дишь; ибо у неба и земли,
солнца и луны, звѣздъ и

нашей жизни, [именно] что мы нисколько не можемъ увеличить или уменьшить ростъ или обновить постарѣвшее или возстановить опять, если отпадетъ какой либо изъ членовъ, и что этого не могли ни цари, ни искусные, ни мудрецы, ни сильные, и какъ затѣмъ я видѣлъ наступленіе ночи послѣ дня и вращеніе небесъ, то изъ этого я позналъ, что у всѣхъ есть Творецъ, и Онъ не подобенъ тварямъ; если же Онъ былъ бы подобенъ имъ, Его также постигало бы то, что постигаетъ тварей. Какъ Онъ скажетъ, такъ дѣлается и, когда пожелаетъ [чего-нибудь, оно] мгновенно исполняется; Онъ воскрешаетъ [людей въ такомъ видѣ], какъ они были впервые, ибо приказаніе Его острѣе обоюдоостраго меча и выше сверкающей молніи; Онъ, если будетъ Ему угодно, уничтожитъ и снова возстановитъ все. Благословеніе и слава Его имени во вѣки вѣковъ. Аминь.

круговращенія сферъ, теченія воды, движенія вѣтра, и огня и правленія различныхъ созданій есть создатель могущественный, и это—Всевышній, Всемогущій.

Съ греческаго:

Подобно тому, какъ кто либо, увидѣвши домъ, великолѣпно и искусно построенный, или сосудъ, сдѣланный изящно, поразмысливъ, удивился бы домостроителю и мастеру, такъ и я, созданный изъ небытія и произведенный въ бытіе, хотя не могъ видѣть Создавшаго и Произведшаго меня, однако, при видѣ своего гармоничнаго и крайне удивительнаго строенія, позналъ Его мудрость — не такъ, какъ она есть, а насколько я могъ постичь; ибо я не произведенъ безпричинно, я не самимъ собою созданъ, а меня создалъ Онъ, какъ Самъ хотѣлъ, чтобы поставить во главѣ всѣхъ твореній, впрочемъ ниже нѣкоторыхъ. Когда я обращаюсь въ прахъ, Онъ возсоздастъ меня въ обновленномъ, лучшемъ видѣ и, уводя Своею божественною волею изъ здѣшняго міра, перемѣститъ въ другую жизнь, безконечную и вѣчную; причемъ ни въ одной изъ этихъ вещей я не въ состояніи протпвиться силѣ Его провидѣнія — ни отнять, ни придать что либо себѣ въ отношеніи роста или вида, ни обновить постарѣвшее во мнѣ, ни возстановить разрушенное, и никто изъ людей не могъ совершить что либо подобное, ни царь, ни мудрецъ, ни богачъ, ни сильный и никто другой, гоняющійся за людскими дѣлами. Ибо никто изъ царей или высокопоставленныхъ, говорить [Соломонъ¹⁾], не

1) Прем.VII, 5, 6.

имѣлъ инаго начала рожденія, всѣмъ одинъ входъ въ жизнь, подобенъ же исходъ.

Руководимый такимъ образомъ всѣмъ, касающимся меня, я пришелъ къ познанію великолѣпія Творца. Къ тому же я вдумывался въ гармоничное строеніе и сохраняемость всѣхъ тварей, какъ все сообразно съ своей природой подлежить вращенію и измѣненію, разумное — по своей волѣ, шествуя къ прекрасному и отступая отъ прекраснаго, чувственное — рождаясь и погибая, увеличиваясь и уменьшаясь, измѣняясь качественно и двигаясь по мѣсту, и все провозглашаетъ безмолвными словами, что оно создано Несотвореннымъ, Невращаемымъ и неизмѣняемымъ Богомъ, Который содержитъ и сохраняетъ его и неусыпно управляетъ имъ. Ибо какимъ образомъ враждебныя стихіи сошлись бы для восполненія міра и остались бы ненарушимо, если бы какая либо всемогущая сила не связывала ихъ и не сохраняла ненарушимо? Какимъ образомъ осталось бы что либо помимо Его воли, или какимъ образомъ, какъ говоритъ Писаніе, непризванное Имъ сохранялось бы?

Въ самомъ дѣлѣ, если судно не держится безъ кормчаго, а легко идетъ ко дну, и маленькій домъ не можетъ существовать безъ управляющаго, какимъ образомъ міръ, такое великое, прекрасное и удивительное твореніе, устоялъ бы безъ нѣкотораго славнаго, великаго и удивительнаго правленія и всеумдраго провидѣнія? Вотъ сколько времени существуетъ небо, и оно не потемнѣло; не ослабла сила земли, производящая столь долго; источники не переставали бить ключемъ, съ тѣхъ поръ какъ они созданы; море, принимающее столько рѣкъ, не переступало мѣры; пути солнца и луны тѣ же самые; порядокъ дня и ночи не измѣнялся. Изъ всего этого открывается намъ могущество и великолѣпіе Бога, свидѣтельствуемое пророками и апостолами.

II.

Съ грузинскаго:

Иодасафъ сказалъ: «Скажи мнѣ, что у васъ за пища, которою вы живете въ пустынѣ?» [Балаваръ] отвѣтилъ ему: «Мы питаемся травами земли, а когда неостанетъ ихъ, мы принимаемъ [приношенія] отъ нашихъ благочестивыхъ братьевъ».

Съ арабскаго ¹⁾:

[Царевичъ] сказалъ: «Изъ чего твоя пища?» [Подвижникъ] сказалъ: «Изъ растительности и травъ пустыни, надъ коими ни у кого нѣтъ власти, а чтобы у насъ были сады, или нивы, или скотъ, крупный или мелкій, то нѣтъ — [это у насъ не водится]».

1) Въ арабской версіи здѣсь не впервые трактуется о пищѣ благочестивыхъ подвиж-

Съ греческаго:

Иосафъ сказалъ: «Повѣдай мнѣ правдолюбиво, какая пища у тебя съ твоими сотоварищами въ пустынѣ?...»

Варлаамъ сказалъ: «Наша пища состоитъ изъ древесныхъ плодовъ и травъ, которыя питаетъ пустыня, напояемая небесной росой и послушная волѣ Творца. Изъ-за нихъ никто не сражается съ нами и не спорить, стремясь захватить больше, по обыкновенію, присущему жадности; но обильно лежить передъ всѣми на самодѣльномъ столѣ пища, добытая безъ пахоты. Если же по временамъ кто либо изъ благочестивыхъ братьевъ, живущихъ по сосѣдству, приносить дарственный хлѣбъ, мы его принимаемъ, какъ посланный Провидѣніемъ на благословеніе приносящихъ съ вѣрой».

Къ догматической части повѣсти относится и слѣдующій отрывокъ изъ «Мудрости Балавара», приводимый параллельно съ соотвѣтствующимъ мѣстомъ греческаго текста. Въ греческой версіи это одинъ изъ двухъ символовъ вѣры, на которые Zotenberg обратилъ особенное вниманіе въ своемъ изслѣдованіи о книгѣ Варлаама и Иосафа ¹⁾:

ერთი ანს დემეტო მამა
ყოფლის მშობლები, შემო-
ქმედი ცათა და ქვეყანის,
უფალი ჩვენი ესე ქრისტე
და წმიდა სული, რომელი მ-
მისაგან გამოვალს. იგი მხო-
ლოდ დამბადებელი და სხვა-
ნი დაბადებულნი, იგი მხოლო-
დურობა და სხვანი უამიერ, იგი
მხოლოდ ძლიერ და უოკლები
ქმედებნი, იგი მხოლოდ მაღალ

83—84: Εἰς Θεὸς ὁ Πατήρ ἐξ οὗ τὰ πάντα
καὶ ἡμεῖς εἰς αὐτόν· καὶ εἰς κύριος Ἰησοῦς Χριστός,
δι' οὗ τὰ πάντα καὶ ἡμεῖς δι' αὐτοῦ, ὅς ἐστιν εἰκὼν
τοῦ Θεοῦ τοῦ ἀοράτου, πρωτότοκος ἀπάσης τῆς
κτίσεως καὶ πάντων τῶν αἰώνων, ὅτι ἐν αὐτῷ
ἐκτίσθη τὰ πάντα, τὰ ἐν ταῖς οὐρανοῖς καὶ τὰ ἐπὶ τῆς
γῆς, τὰ ὁρατὰ καὶ τὰ ἀόρατα, εἴτε θρόνοι, εἴτε
κυριότητες, εἴτε ἀρχαί, εἴτε ἐξουσίαι· τὰ πάντα δι'
αὐτοῦ ἐγένετο, καὶ χωρὶς αὐτοῦ ἐγένετο οὐδὲ ἓν ὃ
γέγονε· καὶ ἐν Πνεύμα ἁγίον, ἐν ᾧ τὰ πάντα, τὸ
κύριον καὶ ζωοποιόν, θεόν καὶ θεοποιούν, πνεῦμα

никовъ. Вслѣдъ за притчей о воробѣй и охотникѣхъ (Hommel, I. c., стр. 46, 23), отшельникъ, проводя параллель между идолопоклонниками и вѣрующими, говорить: «Мы ѣдимъ вынужденно, какъ бы мы ѣли мертвечину, и подобно царю, котораго враги заключили въ одну пещеру на берегу моря съ женами и дѣтьми; пребываніе ихъ тамъ продолжалось долго, и они не имѣли возможности выходить, а провизіи съ ними не было. Одинъ изъ нихъ умеръ, [остальные] приближались къ гибели и сдѣлали это (т. е. ѣли мертвечину). Какъ кажется тебѣ, по принужденію ѣли они или для удовольствія? — Конечно, по великому принужденію. — И въ этомъ разница между тѣмъ, какъ мы ѣдимъ и какъ они ѣдятъ: мы ѣдимъ съ отвращеніемъ, лишь бы удовлетворить потребности, а они ѣдятъ съ наслажденіемъ, не чувствуя потребности».

1) Z., I. c., стр. 38 и сл. Другой символъ вѣры (ib. стр. 40) совершенно отсутствуетъ въ грузинской версіи.

და ყოველნი მდაბალ, ყოველნი მის მიერ შეიქმნა და თვინიერ მისსა არცა ერთი რა იქმნა, რამეთუ სხიერ, მოწყალე და სულგრძელ და კაცთა მოყვარე არს და განუმზადებია მორჩილთათვის სსა შევბედი, ხ უჩინათვის სსა ტანჯველი; ამნვე სამგვამოვნობით და ერთარსებობით დიდებულნი...

ἀγαθόν, πνεῦμα εὐθές, πνεῦμα παράκλητον, πνεῦμα υἰοθεσίας. Τούτων θεός μὲν ἕκαστον καθ' ἑαυτὸ θεωρούμενον, ὡς ὁ Πατήρ καὶ ὁ Υἱός, ὡς ὁ Υἱός καὶ τὸ Πνεῦμα τὸ ἅγιον· εἰς δὲ Θεὸς ἐν τρισί, μία φύσις, μία βασιλεία, μία δύναμις, μία δοξά, μία οὐσία, διαιρετὴ ταῖς ὑποστάσεσι καὶ μόνον. Εἰς γὰρ ὁ Πατήρ, ὃ καὶ ἴδιον ἡ ἀγεννησία· εἰς δὲ ὁ μονογενὴς Υἱός, καὶ ἴδιον αὐτῷ ἡ γέννησις· ἐν δὲ τὸ ἅγιον Πνεῦμα, καὶ ἴδιον αὐτῷ ἡ ἐκπόρευσις. Οὕτω γὰρ ἡμεῖς, ἐκ φωτός τοῦ Πατρὸς φῶς περιλαμψθέντες τὸν Υἱὸν ἐν φωτὶ τῷ ἁγίῳ Πνεύματι, μίαν δοξάζομεν θεότητᾰ ἐν τρισὶν ὑποστάσεσι· καὶ αὐτός ἐστιν ἀληθινός καὶ μόνος θεὸς ὁ ἐν Τριάδι γνωσκόμενος, ὅτι ἐξ αὐτοῦ καὶ δι' αὐτοῦ καὶ εἰς αὐτόν τὰ πάντα.

ПЕРЕВОДЫ.

Съ грузинскаго:

Одинъ Богъ Отецъ Вседержитель, Творецъ неба и земли, Господь нашъ Иисусъ Христосъ и Святой Духъ, Который исходитъ отъ Отца. Только Онъ—создатель, а прочіе—созданія; только Онъ—вѣченъ, а прочіе—временны; только Онъ силенъ, а всѣ [остальные]—безсильны; только Онъ высокъ, а всѣ [остальные] низки. Все произошло чрезъ Него, и безъ Него не начало быть ничто, что произошло, ибо Онъ благъ, милостивъ, великодушенъ и человеколюбивъ, и приуготовилъ послушнымъ мѣсто радости, а ослушникамъ—

Съ греческаго:

Одинъ Богъ, изъ Котораго все, и мы къ Нему, и одинъ Господь Иисусъ Христосъ, чрезъ Котораго все, и мы чрезъ Него, Который есть образъ невидимаго Бога, рожденный прежде всѣхъ тварей и всѣхъ вѣковъ, ибо въ Немъ создано все, что на небесахъ и что на землѣ, видимое и невидимое, Престолы ли, Господства ли, Начальства ли, Власти ли, все произошло чрезъ Него, и безъ Него не начало быть ничто, что произошло, и одинъ Духъ Святой, въ Которомъ все, Господь и животворецъ, Богъ и творящій Богомъ, Духъ добрый, Духъ правый, Духъ преславный, Духъ усыновленія. Изъ нихъ каждый отдѣльно разсматриваемый есть Богъ, какъ Отецъ, такъ Сынъ, какъ Сынъ, такъ Духъ Святой, одинъ же Богъ въ трехъ лицахъ, одна природа, одно царство, одно могущество, одна слава, одна сущность, раздѣляемая въ [трехъ] лицахъ при единствѣ [божества]. Ибо одинъ Отецъ, Которому свойственно не рождаться, одинъ едино-

мѣсто мученія. Онъ же, прославленный въ трехъ лицахъ и въ одномъ существѣ...	родный Сынъ, и Ему свойственно рождаться; одинъ же Духъ Святой, и Ему свойственно психодить. И такъ, отъ свѣта Отца замѣчая свѣтъ Сына во свѣтѣ Святомъ Духѣ, мы прославляемъ одно божество въ трехъ лицахъ, и Онъ истинный и единый Богъ, исповѣдуемый въ Троицѣ, ибо все изъ Него, чрезъ Него и къ Нему.
---	---

Въ заключеніе привожу въ алфавитномъ порядкѣ списокъ собственныхъ именъ, встрѣчающихся въ «Мудрости Балавара», съ ихъ греческими и арабскими эквивалентами:

- | | |
|--|--------------|
| 1. არაქი, Аракъ, только разъ, რაქის, Ракись, разъ два, обыкн. რაქი, Ракъ, совѣтникъ индійскаго царя. | Αραχής |
| 2. ბალავარი ¹⁾ , Балаваръ, подвижникъ. | Βαλαάμ بلوهر |
| 3. ბარაქი, Баракиа, родственникъ Иодасафа, унаслѣдовавшій индійское царство. | Βαραχίας |
| 4. ზადანი, Заданъ, разъ ზანდანი, Занданъ, воспитатель царевича Иодасафа. | Ζαρδάν |
| 5. თედა, Тедма, разъ თედაის, Тедамись, разъ თედამ, Тедамъ, чародѣй-язычникъ. | Θεδαῖς |
| 6. აბენეს, Иабенесь, нѣсколько разъ, обыкнов. აბენეს, Абенесь, царь индійскій. | Ἀβενήρ |
| 7. იოდასაფი, Иодасафъ, сынъ Иабенеса. | Ἰωάσαφ |
| 8. ნაქორი, Накоръ, языческій подвижникъ. | Ναχόρ. |

Есть еще названія странъ: 1. [ეთ]იოპია, [Ἰθ]iopia; 2. ინდია, Индія и 3. ბოლათი, Болатъ, мѣстность въ Индіи.

1) ბალავარი, первоначально ბალავკარი или ბალავკარი то же, что арабское بلوهر или بلهور: буква j опускается позднѣйшими переписчиками, такъ ზარი ვმ. ზარი, زهر, ჰემანი ვმ. ჰემანი, مهان, ზენარი ვმ. ზენარი, زینهار, ობრელი ვმ. ობრელი, გარი ვმ. გარი, گوهر, и т. д.; въ самой же рукописи «Мудрости Балавара» имѣемъ უნ ვმ. ჰუნ.

Въ «Мудрости Балавара», по крайней мѣрѣ, по имѣющемуся у меня въ рукахъ ея списку, болѣе никакихъ именъ нѣтъ; такъ, безъ дальнѣйшаго опредѣленія, называетъ она пустынею мѣсто подвижничества Балавара, греческая же и арабская версія таковымъ мѣстомъ считаютъ, первая — землю Сенааритидскую (*ἐν πανερίμῳ δὲ τινὶ τῆς Συναρίτιδος γῆς*), вторая — островъ Серендибъ (*بجزيرة سرندیب*) т. е. Цейлонъ.

Я воздерживаюсь пока отъ всякихъ выводовъ и заключеній, которыя были бы преждевременны. Изслѣдованіе другихъ сохранившихся или доступныхъ списковъ грузинской версіи дастъ, по всей вѣроятности, значительные варианты и дополненія, и тогда, безъ сомнѣнія, представится мнѣ возможность формулировать извѣстные выводы о значеніи «Мудрости Балавара» въ исторіи перехода съ востока на западъ душеполезной повѣсти о Варлаамѣ и Иоасафѣ.

Н. Марръ.

Декабрь 1888.